

Л. А. Фотиева

КАК
РАБОТАЛ
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ
ЛЕНИН

Серия I
№ 36

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Л. А. ФОТИЕВА

КАК РАБОТАЛ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва

1956

★ К ЧИТАТЕЛЯМ ★

Издательство «Знание» Всесоюзного общества
по распространению политических и научных
знаний просит присылать отзывы об этой брошюре
по адресу: Москва, Новая площадь, д 3/4.

Автор
Лидия Александровна Фотиева.

Редактор **В. В. Каблучко.**
Техн. редактор **Г. В. Фурман.**
Корректор **В. М. Сергеева.**

А 11871. Подписано к печати 10/X 1956 г. Тираж 172 000 экз. Изд № 258.
Бумага 60×92¹/₁₆—1½ бум. л.= 3 п. л. Учетно-изд. 2,95 л. Заказ № 2175.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул «Правды», 24.

Владимир Ильич Ленин. 1920 год.

В краткой брошюре, разумеется, невозможно осветить полностью стиль работы В. И. Ленина. Для этого требуется большой научно-исследовательский труд. Написанное здесь имеет целью познакомить лишь с некоторыми приемами и методами повседневной работы В. И. Ленина как председателя Совнаркома, с основными требованиями, которые он предъявлял к работникам советского государственного аппарата, и показать некоторые черты Владимира Ильича как человека.

* * *

В тяжелые для Советской страны годы гражданской войны и иностранной военной интервенции Коммунистическая партия и Советское правительство, руководимые Лениным, подняли народ на отечественную войну и организовали оборону Советского государства.

В эти трудные для республики годы часто приходилось видеть Владимира Ильича, склонившимся в глубокой задумчивости над картой, разложенной им на столе в его рабочем кабинете. Он отмечал на карте линию расположения наших войск, следил за продвижением сил противника и вместе с другими руководящими работниками партии и Советского правительства обдумывал и обсуждал стратегические планы разгрома врага.

Беспрерывно и тщательно следил Владимир Ильич за событиями на фронтах. Поражала его осведомленность обо всем, что делалось на фронтах и в тылу, о нуждах и настроениях самых различных слоев населения обширной страны. Эту осведомленность он черпал из докладов и отчетов местных и центральных руководящих работников, из многочисленных писем и телеграмм, получаемых от трудящихся, из личных бесед с делегациями рабочих и крестьян и из других источников.

Владимир Ильич вникал во все детали организации обороны, подвергая марксистскому анализу и сопоставлению все имеющиеся в его распоряжении данные. Ничто не ускользало из его поля зрения. Он требовал кратких и точных отчетов, фактических данных и постоянно контролировал исполнение своих распоряжений. 29 августа 1918 года В. И. Ленин писал командующему Северным фронтом в Вологду: «Вы мало сообщаете фактического. Присылайте *с каждой оказией* отчеты.

Сколько сделано фортификационных работ?

По какой линии?

Какие пункты железной дороги *обеспечены* подрывниками, чтобы в случае движения англо-французов большими силами мы взорвали и разрушили *серьезно такое-то*¹ (какое именно, надо дать отчет, и где именно) мостов, верст железных дорог, проходов среди болот и т. д. и т. п.

Достаточно ли обезопасили Вологду от белогвардейской опасности? Непростительно будет, если в этом деле проявите слабость или нерадение»². Тщательно изучал Ленин карты фронтов. Их было у него множество, один из нижних ящиков книжного шкафа в его кабинете был полностью занят военными картами.

Необычайно обширна военная переписка В. И. Ленина.

Из своего рабочего кабинета в Кремле по прямому телеграфному проводу, по почте и по телефону Ленин посылал во все концы страны свои распоряжения, приказы, товарищеские советы, указывал на неотложные задачи, предостерегал от ошибок, от чрезмерного оптимизма и недооценки сил противника, поздравлял с победой, отмечал героизм Красной Армии, требовал, убеждал. Его указания и распоряжения были всегда ясны, конкретны и четки.

За годы гражданской войны и иностранной военной интервенции (1918—1920) В. И. Лениным было послано на различные участки фронта во все концы страны, по неполным данным и с учетом только опубликованных документов, около 500 писем и телеграмм по вопросам обороны в 97 населенных пунктов Советской страны. Кроме того, многие директивы Ленина были адресованы «Всем Совдепам» или «Всем Губкомам партии».

Эти документы с исключительной яркостью характеризуют роль В. И. Ленина как организатора и руководителя обороны Советской страны в борьбе с иностранной интервенцией и внутренней контрреволюцией. Мудрые указания Ленина командованию фронтов обеспечивали тщательно продуманную разработку важнейших операций. В октябре 1920 года, когда Красная Армия сражалась против Врангеля на подступах к Крыму, Ленин телеграфировал Фрунзе:

«Получив Гусева и Вашу восторженные телеграммы, боюсь чрезмерного оптимизма. Помните, что надо во что бы то ни стало на плечах противника войти в Крым. Готовьтесь обстоятельнее, проверьте — изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма»³.

Это указание Ленина послужило руководством для коман-

¹ Очевидно, пропущено слово «количество».

² В. И. Ленин. Военная переписка 1917—1920 гг., стр. 40. Госполитиздат 1943.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 392. Изд. 4-е.

дования Южным фронтом при разработке плана разгрома Врангеля двойным ударом: через Сиваш вброд и ударом в лоб на Перекопские укрепления. Этот план был блестяще осуществлен Красной Армией. В годы Великой Отечественной войны героическая Советская Армия вторично осуществила этот план при освобождении Крыма от фашистских банд.

Все основные принципиальные установки по вопросам организации регулярной Красной Армии и Красного Флота, укрепления тыла и обороны Советского государства были даны Лениным. Руководя Центральным Комитетом Коммунистической партии, Советом Народных Комиссаров и Советом Рабоче-Крестьянской Обороны, Ленин был инициатором и автором многих решений по вопросам, связанным с обороной Советского государства. Ни одно из важнейших решений партии и Советского правительства по военным вопросам не прошло без активного участия Ленина.

Ленин требовал беспрекословного выполнения боевых приказов каждым воином. В железной дисциплине и исполнительности он видел основу боеспособности Красной Армии.

Осенью 1918 года в связи с замедлением наших военных успехов на Восточном фронте и рядом неудач на Южном фронте ЦК РКП(б) разослал циркулярное письмо ко всем членам партии, комиссарам, командирам и красноармейцам. В этом письме, разработанном при ближайшем участии Ленина, говорилось:

«Нужно железной рукой заставить командный состав, высший и низший, выполнять боевые приказы ценою каких угодно средств. Не нужно останавливаться ни перед какими жертвами для достижения тех высоких задач, которые сейчас возложены на Красную Армию...

Ни одно преступление против дисциплины и революционного воинского духа не должно оставаться безнаказанным»¹.

Ленин учил мужеству, стойкости, презрению к смерти, требовал беспощадной расправы с нытиками и паникерами, с дезертирами и трусами. Он неоднократно указывал, что слабость, нерешительность, трусость в критические минуты могут привести к предательству, независимо от воли данного лица. Нужно внушить каждому рабочему, каждому бойцу и командиру в отдельности, говорил Ленин, что от его храбрости, решительности и преданности зависит, в конечном счете, окончание войны.

Вместе с тем Ленин призывал к всемерной помощи Красной Армии и помощи раненому красноармейцу: «...Все наши трудности и мучения — ничто по сравнению с тем, что выпало на долю раненому красноармейцу, проливающему кровь на защиту рабочей и крестьянской власти...»².

¹ Ленинский сборник XXXIV, стр. 45.

² В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 159.

Можно с уверенностью сказать, что внимательное изучение всего огромного материала, оставленного Лениным по вопросам обороны Советского государства в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции, раскроет его роль как основоположника советской военной науки.

Для победы на фронтах и успешного социалистического строительства огромное значение имела четкая работа советского государственного аппарата.

* * *

Неустанно боролся Ленин за улучшение работы советского государственного аппарата, добивался упрощения и сокращения его, внесения в работу советских органов деловитости, организованности и дисциплины, настойчиво воспитывал в советских людях новое, социалистическое отношение к труду.

Для организации и упорядочения деятельности органов Советской власти огромное значение имело неуклонное, быстрое и точное выполнение всех законов и распоряжений Советского правительства. Ленин вел систематическую и упорную борьбу за строгое соблюдение революционного порядка и законности. Мерами убеждения и принуждения воспитывал он глубокое уважение к законам и распоряжениям Советской власти, уважение к Конституции Советской республики.

Характерным в этом отношении является удостоверение, выданное В. И. Лениным представителям Даниловской мануфактуры, приехавшим к нему с просьбой о выдаче им мануфактурного пайка. Владимир Ильич писал: «Ввиду того, что этот вопрос решен Президиумом ЦИК, который по Конституции *выше* Совета Народных Комиссаров, ни я, как Председатель СНК, ни Совет Народных Комиссаров изменить решение не в праве»¹.

В 1919 году по требованию Владимира Ильича отдел законодательных предположений Наркомюста выпустил брошюру «Исполняйте законы Советской республики». Владимир Ильич сам редактировал ее. Брошюра представляет собой призыв к трудящимся твердо исполнять законы, установленные Советской властью. Эта брошюра, по распоряжению Ленина, была разослана всем членам СНК. Он всегда имел ее перед собой на заседаниях Совнаркома, ссылаясь на нее и напоминая о ней народным комиссарам.

Отстаивая революционную законность, Ленин сурово боролся со взяточничеством, которое называл проклятым наследием царизма. В мае 1918 года Владимир Ильич в записке народному комиссару юстиции тов. Курскому предлагал: «... *тотчас*, с демонстративной быстротой, внести законопроект, что наказа-

---

¹ Ленинский сборник XXXV, стр. 58

ния за взятку (лихоимство, подкуп, сводка для взятки и пр. и т. п.)
должны быть

не ниже

десяти лет тюрьмы и, сверх того, десяти лет принудительных работ»¹.

В практической повседневной деятельности Ленин неоднократно возвращался к вопросам борьбы против взяточничества. Как и во всей работе по социалистическому строительству и улучшению советского аппарата, большую роль в борьбе со взяточничеством Ленин отводил членам партии. В своей речи на II Всероссийском съезде политпросветов в октябре 1921 года, разъясняя их роль в борьбе против взяточничества, Ленин говорил: «...если политпросветчики скажут: «Это не по нашему ведомству», «у нас изданы по этому делу брошюры и прокламации», народ вам скажет: «Плохие вы члены партии: это, правда, не по вашему ведомству, для этого есть Рабкрин, но ведь вы являетесь и членами партии»².

Когда Владимир Ильич обнаруживал неисполнение какого-либо постановления или распоряжения Советской власти, он неизменно требовал наказания виновного. При этом он прибавлял, что наказание может быть и не строгим, иногда, может быть, достаточно и выговора, но необходимо разрушить всеобщее убеждение в ненаказуемости виновных. Виновным Владимир Ильич считал не только того, кто не выполнил решения правительства, непосредственно ему порученного, но и безучастного руководителя того учреждения, работа которого страдала от невыполнения этого решения. Такому руководителю Ленин ставил в вину то, что он не бил тревоги, не жаловался, не заявлял соответствующим органам. Например, если Совнарком обязывал Наркомпрод обеспечить ударным пайком рабочих какого-нибудь предприятия, а руководитель этого предприятия не сигнализировал во-время, что решение Совнаркома не выполняется, Ленин считал такого руководителя виновным в такой же мере, как и Наркомпрод.

Ленин не допускал небрежного, невнимательного отношения к повседневным административным распоряжениям. Когда Владимир Ильич после ранения вернулся к работе, врачи настаивали на том, чтобы он не работал в накуренной комнате. В зале заседания курить было категорически запрещено, а в кабинете Владимира Ильича, на печке, было вывешено, по его предложению, напечатанное крупным шрифтом распоряжение: «Курить воспрещается». Однако приходившие в кабинет товарищи не всегда выполняли это распоряжение. Однажды после совещания, когда было особенно сильно накурено в кабинете,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 271.

² В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 53

Владимир Ильич вызвал секретаря и сказал: «Если мы не умеем добиться выполнения распоряжения — надо его снять, чтобы не компрометировать распоряжения».

Бывали случаи, когда на заседаниях Совнаркома или Совета Труда и Обороны обнаруживалось, что тот или другой работник не выполнил какого-либо постановления правительства, Владимир Ильич тут же делал распоряжение арестовать виновного на два или три дня и при этом прибавлял: «Арестовывать по праздникам, а в будни освобождать, чтобы не страдала работа».

Пользуясь неограниченным авторитетом и любовью трудящихся, Владимир Ильич никогда не злоупотреблял своим положением и не допускал для себя каких-либо изъятий из установленных правил, порядков и законов. Широко известно его письмо от 23 мая 1918 года управделами Совнаркома, в котором Владимир Ильич объявил строгий выговор В. Д. Бонч-Бруевичу за самовольное и противозаконное повышение ему, как председателю Совнаркома, зарплаты с 500 до 800 рублей в месяц. Неодобрительно относился Владимир Ильич также к посылкам ему подарков, особенно если они шли от учреждений или должностных лиц. Так, например, получив 22 августа 1919 года от продотдела Моссовета образцы фруктов из советских хозяйств, Владимир Ильич 23 августа в ответном письме писал: «...я покорнейше прошу впредь этого не делать. Фруктов и т. п. не посылать, а мне сообщить данные, как вообще распределяются фрукты и т. п. из советских хозяйств, *дается ли в больницы, санатории, детям, куда именно, сколько именно*¹.

Каждую попытку создать Владимиру Ильичу больше удобств в быту, он рассматривал как стремление поставить его в лучшие по сравнению с другими условия и с досадой их отклонял.

* * *

Большим злом в работе советского государственного аппарата были бюрократизм и вллокита.

Советская власть разрушила старый бюрократический государственный аппарат и создала новый, советский аппарат, основанный на широком участии трудящихся в управлении. Это было огромным завоеванием Советской власти. Выступая на XI съезде партии, Ленин говорил: «Пусть наш государственный аппарат из рук вон плох, но все-таки он создан, величайшее историческое изобретение сделано...»².

Много сил и времени употребил Владимир Ильич на борьбу за улучшение советского аппарата. В практической работе советский аппарат страдал серьезными недостатками. Сказывалась нехватка культурных сил. Молодые советские кадры

¹ Ленинский сборник XXXV, стр. 74.

² В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 270

не имели еще опыта государственной работы. Старые царские служащие, заскорузлые чиновники-бюрократы, засевающие в ведомствах и учреждениях, сознательно саботировали работу. Владимир Ильич учил, что для полной победы над бюрократизмом необходимо вовлечение всего населения в управление государством и поднятие общего культурного уровня.

В своей повседневной работе Ленин упорно и решительно пресекал каждый ставший известным ему случай бюрократизма, волокиты, формального и бездушного отношения к делу. Он требовал большой оперативности в работе, быстрого и точного выполнения распоряжений Советской власти и настойчиво боролся с бюрократами, волокитчиками и нарушителями законов, подменяющими живое дело формально-бюрократической бумажной волокитой.

Глубоко возмущенный безответственным, бездушным отношением к важнейшему государственному делу снабжения рабочих хлебом, Ленин в январе 1919 года пишет симбирскому губпродкомиссару: «Комитет 42 организаций голодающих рабочих Петрограда и Москвы жалуется на Вашу нераспорядительность. Требую максимальной энергии с Вашей стороны, неформального отношения к делу и всесторонней помощи голодающим рабочим. За неуспешность вынужден буду арестовать весь состав Ваших учреждений и предать суду»¹.

18 февраля 1919 года Ленин телеграммой запрашивает Мамадышский уисполком: «Верно ли, что сормовский коммунист Рукавишников месяц сидит в тюрьме и дело не разбирается? Если верно, надо виновного предать суду за волокиту. Телеграфируйте ответ»².

Большое значение в борьбе с волокитой Владимир Ильич придавал проверке исполнения. От ведомств и учреждений, от партийных и советских работников он требовал фактического контроля за исполнением постановлений Советской власти, проверки того, что выходит на деле, как говорил он.

Проверку исполнения и умелый подбор людей Ленин считал важнейшим условием улучшения работы государственного аппарата. Когда в конце 1921 года А. Д. Цюрупа был назначен заместителем председателя Совнаркома, Владимир Ильич поставил перед ним в качестве основной задачи — упорядочение работы госаппарата.

Владимир Ильич поручил своему аппарату организовать контроль за исполнением в срок постановлений правительства. С этой целью в 1922 году при его участии была выработана особая форма карточки. При этом он дал указание своему аппарату, чтобы в карточку были включены только такие графы, которые заполнять обязательно. Графы, которые заполнять затруд-

---

¹ Ленинский сборник XXXIV, стр. 80—81.

² Ленинский сборник XXIV, стр. 171.

нительно, вследствие чего они на деле заполняться не будут, в карточку не включать. Эту работу он поручил специальному сотруднику, предупредив, что будет сам наблюдать за ней. Владимир Ильич требовал представления ему два раза в месяц отчета, написанного кратко, телеграфным стилем о том, как идет дело проверки исполнения.

Как от учреждений, так и от отдельных работников Владимир Ильич неизменно требовал самостоятельности. Он резко порицал беспомощность и безрукость, стремление снять с себя ответственность и решительно боролся с попытками отдельных работников и учреждений вносить на разрешение Совнаркома и СТО или передавать в комиссию вопросы, которые могли бы быть разрешены ими в пределах своего ведомства. Ленин требовал повышения ответственности наркомов за деятельность их наркоматов, их личного участия в работе Совнаркома, а не их заместителей.

Одним из основных и необходимых условий для правильной организации работы учреждений Советского государства Ленин считал четкое разграничение обязанностей между работниками, установление «самой точной ответственности каждого из состоящих на любой советской должности лиц за *выполнение определенных*, ясно и недвусмысленно очерченных, заданий и *практических работ*»¹. К этому своему требованию Ленин неоднократно возвращался на протяжении всей своей деятельности на посту председателя Совнаркома.

Ленин не оставлял без внимания ни одного, хотя бы и мелкого, ставшего ему известным случая безответственной работы. Узнав, что в Управлении делами СНК три дня не будет действовать лифт, Ленин пишет 19 сентября 1921 года записку коменданту Кремля, копию управделами СНК: «Мне сообщили, что лифт не будет действовать 20, 21 и 22 сентября.

Это верх безобразия. Есть люди больные сердцем, коим подъем вреден и опасен. Я тысячу раз поручал следить за лифтом, назначив ответственное лицо.

Объявляю Вам строгий выговор, поручаю установить виновных в непредупреждении во время; сообщите список ответственных лиц еще раз; меры взыскания им.

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)»².

Одним из важнейших требований Ленина, которое он неустанно внедрял в практику деятельности учреждений и отдельных работников, было доведение каждого дела до конца, до реального результата. Надо уметь, говорил он, десять раз исправить, десять раз переделать, не во что бы то ни стало добиться своего. Начали, уперлись в тупик — начинайте сначала,

---

¹ В. И. Ленин Соч., т. 28, стр. 326.

² Ленинский сборник XXIII, стр. 327—328

и так до тех пор, пока не добьетесь цели, учил Ленин. И не только учил, но и личным примером постоянно показывал, как настойчиво надо добиваться поставленной цели. Он резко порицал и высмеивал разгильдяйство, небрежность, легкомысленное отношение к делу, склонность за все на свете братья и ничего не доводить до конца, склонность заменять дело разговором, работу дискуссией.

Направляя наше внимание на борьбу за улучшение госаппарата, Владимир Ильич неоднократно отмечал, что эта работа может привести к хорошим результатам лишь через 10—20 лет, что она требует настоящей культурной революции, но тем более следует упорно и настойчиво работать в этом направлении.

Ленин упорно боролся со всякими даже мелкими неполадками бюрократического порядка. Например, в первые годы, чтобы попасть в Кремль к Ленину, посетителю надо было прежде пройти большое количество постов.— пост у входа в Кремль, пост «нижний», пост «верхний». Где-нибудь да и застрянет посетитель. Владимир Ильич требовал, чтобы комендант завел такой порядок, при котором посетитель, приходящий на прием, не терял бы лишнего времени, если есть распоряжение секретариата о его пропуске. Секретарь обязан был следить за тем, чтобы посетителей пропускали без задержки. Если посетитель во-время не приходил, то Владимир Ильич поручал узнать, не ходит ли он по Кремлю в поисках дороги в СНК или не застрял ли на каком-либо посту. Есть ряд письменных распоряжений Ленина коменданту с предупреждением, что он будет принимать меры репрессивного характера, если этот порядок не наладится.

19 ноября 1921 года Владимир Ильич писал коменданту Кремля: «Вчера в 8 час. вечера у меня был Осип Петрович *Гольденберг*. Несмотря на предупреждение комендатуры и часовых за полчаса, если не более, он был *задержан* не внизу в СНК, а *вверху*».

Еще раз,— и уже далеко не в первый — обращаю внимание на это нарушение порядка. Не заставляйте меня прибегать к мерам суровым...»¹.

26 ноября 1921 года В. И. Ленин снова пишет коменданту Кремля о задержке часовыми лиц, приходящих к нему: «... я не раз уже требовал от коменданта Кремля и требую еще раз, чтобы был создан такой порядок, при котором *идушие ко мне, хотя бы без всяких пропусков*, имели возможность, *без малейшей задержки, созвониться и из ворот Кремля и из подъезда Совнаркома*, с моим секретариатом и с телефонистками коммутатора III-го этажа.

Ставлю Вам на вид, что Вы к моим требованиям относитесь

---

¹ Ленинский сборник XXIII, стр. 231

нерадиво»¹. Далее Ленин дает подробные указания, как надо организовать это дело.

Работников своего небольшого аппарата Владимир Ильич терпеливо и настойчиво учил работать, не допуская ни одного промаха ни в большом, ни в малом.

Характерно, что для Владимира Ильича не было слишком маленького, не стоящего его внимания дела, если это дело давало практически полезные результаты. О том, какие конкретные указания он давал, можно рассказать на примере, казалось бы, такого маленького дела, как отправка писем. Написав письмо и передавая его секретарю для отправки, Владимир Ильич говорил: не посылайте самокатчика к адресату, не узнав раньше, где он сейчас находится (на заседании, в рабочем кабинете, дома и т. д.); узнавши точно, где находится адресат, запечатайте письмо в конверт, если нужно — прошейте его и запечатайте сами сургучом.

Дальше: обязательно напишите на конверте «никому другому не вскрывать» и предупредите самокатчика, что адресат должен дать расписку на конверте. Вручив письмо адресату и получив его подпись, самокатчик возвращает конверт в секретариат. Этот конверт с распиской должен быть показан Владимиру Ильичу. В результате достигалась полная гарантия как наименьшей потери времени, так и того, что письмо вручено именно адресату, а не завалывается где-нибудь в канцелярии. За волокиту с отправкой его писем Владимир Ильич строго взыскавал.

13 сентября 1921 года, обнаружив задержку с отправкой его письма, Ленин пишет письмо в Управление канцелярией СНК: «Вчера мной обнаружено, что данный мною Фотиевой срочный документ... оказался пошел «обычным» т. е. идиотским путем и опоздал на долгие часы, а без моего вмешательства второй раз опоздал бы на дни.

Такая работа канцелярии недопустима, и если еще хоть раз обнаружится подобная типичнейшая волокита и порча работы, я прибегну к строгим взысканиям и смене персонала».

И дальше, Владимир Ильич дает исчерпывающие указания, как надо отправлять письма:

«Предписываю

- 1) по каждому документу или пакету, который я даю для отправки, проверять *лично* дежурной секретарше (которая должна иметь заместительницу на случай ухода и сговариваться с телефонистками, дежурящими круглые сутки, о замене);
- 2) сделаны ли *все* надписи (в собств[енные] руки; срочно, с распиской на конверте и т. д.);
- 3) передано-ли тотчас курьеру;
- 4) обязательно *проверять по телефону* у адресата;

---

¹ Ленинский сборник XXIII стр 232

5) мне *показывать* возвращенный с распиской конверт;

6) те же правила исполнять на деле и телефонисткам в будке, на случай поручения в часы, когда секретарши нет»¹.

Зная о серьезных недостатках в работе госаппарата в центре и на местах, Владимир Ильич очень внимательно относился к письмам и жалобам трудящихся, поступавшим на его имя или в адрес Совнаркома. Он обязывал работников секретариата прочитывать все письма и докладывать обо всех поступающих жалобах. В специальном распоряжении Управлению делами Совнаркома 18 января 1919 года Владимир Ильич предписывает обо всех жалобах, поступающих в письменном виде, докладывать ему в течение 24 часов, а об устных жалобах — в течение 48 часов. Он требовал также тщательного контроля за исполнением его резолюций по этим жалобам.

Позже, по указанию Владимира Ильича, была создана Приемная Совнаркома, которая помещалась вне Кремля, и все письма, поступающие в адрес Совнаркома или председателя СНК, направлялись по его распоряжению в эту Приемную. Секретарь Приемной Совнаркома обязан был давать ход этим письмам и раз в две недели докладывать Владимиру Ильичу общий итог. В декабре 1921 года Владимиру Ильичу стало известно, что жалобы и заявления трудящихся, посылаемые из Приемной СНК руководителям центральных советских учреждений для разрешения их по существу, сплошь и рядом оставались без ответа и исполнения. Возмущенный таким безответственным отношением к делу, Владимир Ильич в письме руководителям центральных советских учреждений писал: «Предлагаю немедленно подтянуться. Машина советской администрации должна работать аккуратно, честно, быстро. От ее расхлябанности не только страдают интересы частных лиц, но и все дело управления принимает характер мнимый, призрачный». Ленин требовал впредь самых скорых и исчерпывающих ответов на направленные из Приемной дела и запросы и предупреждал, что за волокиту «приемной СНК предоставлено право привлекать виновных к ответственности, не глядя на «ранги»².

В наброске правил об управлении советскими учреждениями В. И. Ленин в декабре 1918 года подробно пишет о том, как должен быть организован прием трудящихся в советском учреждении. Ленин был озабочен тем, чтобы каждый гражданин, имеющий просьбу, жалобу или заявление в то или другое учреждение, мог без затруднения получить свободный доступ в это учреждение, а также, чтобы было обеспечено правильное направление и решение дела просителя.

«В каждом советском учреждении,— писал Ленин,— должны быть вывешены не только внутри здания, но и снаружи, так

---

¹ Ленинский сборник XXIII, стр. 226—227

² Ленинский сборник XXXIV, стр. 429

чтобы они были доступны всем без всяких пропусков, правила о днях и часах приема публики. Помещение для приема обязательно должно быть устроено так, чтобы допуск в него был свободный, безусловно без всяких пропусков.

В каждом советском учреждении должна быть заведена книга для записи, в самой краткой форме, имени просителя, сущности его заявления и направления дела.

В воскресные и праздничные дни должны быть назначены часы приема»¹.

Введению правил об управлении советскими учреждениями В. И. Ленин придавал большое значение в борьбе с волокитой, в успешном открытии злоупотреблений, а также в разоблачении и устранении нечестных должностных лиц, проникших в советские учреждения.

В. И. Ленин горячо верил в массы и удивительным образом умел мобилизовать их на борьбу. Он хорошо понимал трудности и лишения, которые испытывали трудящиеся в годы войны и разорения народного хозяйства, и глубоко чувствовал страдания народных масс.

В тесной связи с массами Ленин видел залог всех успехов и побед Советской власти и никогда не скрывал от масс трудности и опасности положения. Он указывал, что все силы Советской власти покоятся на доверии и сознательном отношении рабочих.

В речи на объединенном заседании ВЦИК, Моссовета, фабзавкомов и профсоюзов 22 октября 1918 года, предвидя новый натиск объединенных сил интервентов, он говорил: «Я думаю, что широкие массы едва ли сознают всю опасность, которая на нас надвигается, а так как мы можем действовать, только опираясь на широкие массы, то главная задача представителей Советской власти состоит в том, чтобы передать этим массам всю правду теперешнего положения, как бы оно тяжело временами ни было»².

Выступая на XI съезде партии, Владимир Ильич еще ярче выразил эту мысль в следующих словах: «В народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает»³.

Эта глубокая вера Ленина в массы, в классовый инстинкт рабочих была источником непререкаемого авторитета Ленина и безграничной любви к нему народа. Его обращения к рабочим, красноармейцам и крестьянской бедноте всегда встречали горячий отклик трудящихся. По призыву Ленина трудовые массы

¹ В. И. Ленин Соч., т. 28, стр. 327

² Там же, стр. 94

³ В. И. Ленин Соч., т. 33, стр. 273.

шли на любые лишения и жертвы, отстаивая завоевания Октябрьской социалистической революции.

Во всей своей деятельности на посту руководителя Советского государства Ленин строго проводил принцип коллективности руководства. Несмотря на свой огромный авторитет, Владимир Ильич никогда не решал вопросы единолично как председатель Совнаркома. Он поощрял инициативу каждого работника, не давил своим авторитетом, а убеждал. Лесть, подхалимство, угодничество были немыслимы в окружении Ленина. На заседаниях Совнаркома или Совета Обороны все выступавшие свободно высказывали свои мнения по обсуждавшимся вопросам. Нередко происходили жестокие споры; случалось, что большинством членов СНК принималось решение, с которым Владимир Ильич не был согласен. Он подчинялся большинству, а в случаях, если вопрос имел принципиальное значение, переносил его в высшую инстанцию — в политбюро ЦК РКП(б), на разрешение ВЦИК — и возвращался к спорному вопросу еще и еще раз.

Известно, например, с какой настойчивостью В. И. Ленин боролся за проведение принципа единоначалия в управлении производством. Децисты (группа демократического централизма), занимавшие ответственные посты в профсоюзах и хозяйственных органах, отстаивали безбрежную коллегиальность. Ленин неоднократно выступал против децистов с защитой единоначалия, доказывая, что оно больше всего обеспечивает использование человеческих способностей, реальную, а не словесную проверку исполнения работы.

Дискуссия по вопросу о единоначалии захватила широкие круги профсоюзных и хозяйственных работников. После выступлений на фракции ВЦСПС, на III съезде Совнархозов, на съезде водников и т. д., где он не встретил поддержки, глубоко убежденный в своей правоте Ленин перенес этот вопрос на обсуждение IX съезда партии.

На съезде партии децисты сделали новую, но безуспешную попытку протащить свое решение. Съезд принял резолюцию, которую отстаивал Ленин.

Первое время в повестку Совнаркома вносилось громадное количество вопросов, иногда достигавшее 60 в одно заседание. Заседания же в 1918 году происходили ежедневно. Это объяснялось, в частности, тем, что советские органы еще не накопили опыта государственной работы. Владимир Ильич упорно и настойчиво боролся с внесением мелких дел на разрешение СНК, снимая их с повестки и возвращая на решение самих ведомств. Вопросы, подлежащие рассмотрению Совнаркома, часто были не подготовлены и не согласованы с заинтересованными ведомствами. Такие дела по указанию Владимира Ильича также возвращали ведомству для предварительной подготовки их к слушанию. Необходимыми элементами подготовки Владимир

Ильич считал: представление краткой объяснительной записки (не более 2—3 страниц), сформулированного проекта решения СНК или СТО и отзывов всех заинтересованных ведомств с представлением контрпроекта в случае несогласия какого-либо ведомства. Полученные материалы должны были заблаговременно рассылаться секретариатом всем членам Совнаркома. Еще в декабре 1917 года Владимир Ильич написал проект постановления по этому вопросу, в котором предписывалось от каждого народного комиссара, вносящего вопрос в порядок дня Совнаркома, требовать «предварительного *письменного* заявления с указанием:

а) в чем состоит вопрос (кратко) [это указание не может ограничиваться одной ссылкой («о том-то»), а должно состоять в *изложении содержания* вопроса].

б) Что именно предлагается Совету Нар[одных] Ком[иссаров]? (дать деньги; принять *такую-то* резолюцию и т. п. точные указания, *чего* хочет вносящий вопрос).

в) Затрагивает-ли данный вопрос ведомства других комиссаров? каких именно? есть ли от них письменные заключения?»¹.

Этот проект был в тот же день утвержден Совнаркомом, и Владимир Ильич постоянно ссылался на него, все более и более уточняя требования к наркоматам и к секретариату СНК.

Улучшение в этом деле давалось нелегко, но Владимир Ильич постоянно и настойчиво возвращался к этому вопросу, преодолевая сопротивление наркомов, которые, как правило, в начале заседания старались внести дополнительно тот или другой вопрос, заявляя об его исключительной срочности.

В целях борьбы с обилием мелких вопросов в повестке дня Совнаркома еще в 1917 году на одном из заседаний было внесено предложение создать специальную комиссию для рассмотрения мелких дел. Позже эта комиссия была преобразована в Малый Совнарком, который на протяжении своего существования претерпел ряд реорганизаций. Членами Малого Совнаркома (МСНК) в отличие от Большого Совнаркома (БСНК) были не народные комиссары, а члены коллегий наркоматов и начальники отделов. Председателем был особо назначенный на эту должность товарищ. Первоначально протоколы МСНК зачитывались на заседании БСНК и при отсутствии возражений заносились в протокол как решения Совнаркома. В дальнейшем Совнарком поручил Владимиру Ильичу утверждать постановления МСНК от имени СНК. Но Владимир Ильич утверждал их только при наличии единогласного решения в МСНК. Если же кто-либо из членов МСНК или из народных комиссаров возражал, а также если не согласен был сам Владимир Ильич, он вносил данный вопрос на обсуждение Большого

---

¹ Ленинский сборник XXI. стр. 96

Совнаркома. Так, например, решение, принятое МСНК 3 февраля 1921 года об объединении всего строительства РСФСР, Владимир Ильич не утвердил, а перенес на рассмотрение Большого Совнаркома.

Аналогичный порядок был и в работе Совета Труда и Оборона (СТО). Для рассмотрения мелких вопросов, подлежащих разрешению СТО, были созданы распорядительные заседания СТО. Но в отличие от МСНК состав распорядительного заседания СТО отличался от пленарного только тем, что председателем пленарного заседания СТО был Ленин, председателем распорядительного. — обычно был тов. Аванесов или А. А. Андреев. Случалось, что при обсуждении какого-либо вопроса на распорядительном заседании, вопрос, казавшийся маленьким, вырастал в большой, принципиальный вопрос. Тогда на заседание СТО приглашали Владимира Ильича (кабинет Владимира Ильича непосредственно примыкал к залу заседания) и заседание СТО объявлялось пленарным. Когда кончалось обсуждение этого вопроса, Владимир Ильич возвращался в свой кабинет, а в зале заседаний продолжалось распорядительное заседание СТО. Такой порядок находил отражение и в протоколах СТО.

Решения распорядительного заседания СТО, так же как и решения МСНК, утверждались Владимиром Ильичем от имени Совета Труда и Оборона лишь при условии отсутствия разногласий среди членов СТО или СНК. В противном случае они ставились на повестку пленарного заседания СТО.

Даже такой, казалось бы, мелкий вопрос, как перенесение заседания с назначенного дня на другой день или час, Владимир Ильич не решал единолично, а поручал секретарю проводить его опросом всех членов Совнаркома, хотя в этих случаях никогда возражений не было. В архиве Института марксизма-ленинизма сохраняются такие «протоколы опроса». В них столбцом напечатаны на машинке фамилии всех членов СНК или СТО и против каждой фамилии помечено «за».

На заседаниях Совнаркома имели право присутствовать члены Совнаркома и их заместители, которые в случае отсутствия наркома получали право решающего голоса. С совещательными голосами присутствовали члены коллегии. Владимир Ильич всегда стремился к тому, чтобы на заседаниях не было лишних людей, чтобы заседания проходили по-деловому и отнимали бы меньше времени. Особенно настойчиво боролся он против большого наплыва докладчиков от наркоматов. Первое время их было множество. Большинство из них присутствовало на заседаниях «на всякий случай», а вдруг понадобится какая-нибудь справка, которую нарком или его заместитель не смогут дать. Это вызывало протесты Владимира Ильича, так как мешало заседанию и отрывало работников от дела. Он требовал, чтобы наркомы или их заместители могли самостоятельно да-

вать необходимые сведения по вносимым ими на рассмотрение делам.

Однажды перед обсуждением очередного вопроса на вечернем заседании Совнаркома Владимир Ильич дал распоряжение впустить докладчиков, которые ожидали в соседней комнате. И вот в зал заседаний потянулась целая вереница докладчиков — около двадцати человек. Последние входили уже при гомерическом хохоте всего зала. В тот же день по настоянию Владимира Ильича Совнарком принял постановление, ограничивающее число докладчиков по каждому вопросу, стоящему на повестке, одним-двумя от каждого ведомства. Но и это было много.

Владимир Ильич обычно не заходил в комнату, где ожидали докладчики. Но однажды во время заседания Совнаркома, поздно вечером, проходя случайно через эту комнату, он увидел, что вся она наполнена усталыми, измученными людьми, сидящими в ожидании вызова в клубах табачного дыма (кто за шахматами, кто за газетой), иногда лишь для того, чтобы в конце заседания услышать, что вопрос отложен.

Владимир Ильич пришел в негодование. Разбравив нас за такой нелепый порядок, он тут же дал конкретные указания, как упорядочить это дело. Он потребовал обеспечить такой порядок, при котором докладчики приходили бы лишь минут за 15 до слушания вопроса. Для этого в начале заседания просматривалась вся повестка и принималось решение, какие вопросы оставить на повестке и какие снять, а также намечалась очередность слушания вопросов. Вначале ставились вопросы с докладчиками, в конец повестки — без докладчиков. Секретарь должен был еще до заседания связаться с докладчиком, узнать, где он будет находиться к началу заседания, условиться с ним, чтобы он держал машину наготове, и, как только выяснится порядок повестки, извещать его о примерном времени, когда будет слушаться его вопрос. Если же по ходу дела выяснялось, что вопрос затягивается, — снова звонить ему. Владимир Ильич называл это «держат докладчика на телефонном расстоянии».

13 октября 1921 года Владимир Ильич дал письменное распоряжение управляющему делами Совнаркома и СТО: «Прошу Вас провести, после надлежащего соглашения с председателем Малого СНК (и выяснения с секретарями), чтобы порядок вызова докладчиков (и в Большой и в Малый СНК) был изменен.

Теперь докладчики получают вызов на заседание вообще и ждут часами.

Это безобразие и дикость.

Надо добиться того, чтобы докладчики вызывались на *один определенный час*.

При *двойной* проверке по телефону, нужны ли докладчики,

и какие; — при *правильном* размещении дел определенного заседания (дела с докладчиками и дела без докладчиков) можно и должно добиться того, чтобы *больше 15 минут* докладчики не ждали.

Прошу Вас выработать такой порядок немедленно, тщательно обдумав его, и сообщить мне решение об этом, проведенное через Малый Совет Народных Комиссаров»¹.

* * *

Требую от всех четкости, организованности и дисциплины в работе, Владимир Ильич сам показывал лучшие образцы высокой культуры труда, умения правильно распределить работу, организовать свой рабочий день. Поэтому, несмотря на огромный масштаб работы и непомерную загрузку всевозможными делами, приемами, разговорами по телефону, Владимир Ильич никогда не бывал нервно раздражителен, тороплив или суетлив. Он работал спокойно и всегда успевал сделать все намеченное. Как никто другой, Владимир Ильич знал цену времени и умел беречь его. Ни одна минута не пропадала у него даром. Утром, позавтракав дома, он приходил в свой кабинет всегда в одно и то же время, просматривал множество газет и бумаг, делал распоряжения секретарю, принимал товарищей, председательствовал на заседаниях и всегда ровно в 4 часа уходил домой обедать. Пообедав и отдохнув немного, он возвращался в свой кабинет к 6 часам всегда полный энергии и работал до глубокой ночи. Но и во время обеденного отдыха творческая мысль Владимира Ильича не переставала работать. Он приносил с собой из дому множество записок на маленьких листах блокнота — поручения секретарю по ряду возникших у него вопросов. Эти поручения надо было немедленно выполнять.

Владимир Ильич умел беречь не только свое, но и чужое время. Он никогда и никуда не опаздывал. На заседания Совнаркома и Совета Труда и Оборона он приходил ровно в назначенное время или за несколько минут раньше. Заседания под руководством Ленина начинались точно в назначенный час при любом количестве присутствующих. Фамилии опоздавших членов Совнаркома и СТО по указанию Владимира Ильича записывались в протокол, с отметкой, кто и на сколько минут опоздал. При повторных опозданиях без уважительных причин Владимир Ильич объявлял опоздавшему выговор, предупреждая, что в дальнейшем он получит выговор с опубликованием в печати.

Ленин мастерски руководил заседаниями. Председательствуя на заседаниях СНК и СТО, он всегда стремился к тому, чтобы прения были короче, чтобы выступающие говорили по

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 447

существо, не отклоняясь в сторону. Когда же вопрос был ясен, Ленин требовал, чтобы давались только цифры и практические предложения. Длинные речи на заседаниях он считал непроизводительной тратой времени. Быстро разобравшись в обсуждаемом вопросе, Владимир Ильич, слушая прения, одновременно занимался и другими делами. Известная заметка Ленина «Об очистке русского языка» была написана им во время одного из заседаний, вот почему Владимир Ильич дал ей в скобках подзаголовок: «Размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях»¹.

Однако малейший шум на заседаниях мешал Владимиру Ильичу, и он требовал абсолютной тишины и порядка.

После запрещения курить в зале заседания члены Совнаркома курили за большой кафельной печкой, которая находилась в зале посередине стены, противоположной окнам, около выходной двери в коридор. Курильщики пускали дым в вытяжную трубу и, скрытые от взора председателя, подчас шепотом обменивались мнениями. Курить за печкой Владимир Ильич не запрещал и шутя называл этот уголок «клубом», но услышав разговоры, делал замечание: «Тише там, в клубе за печкой».

Борясь с длинными речами на заседаниях, Владимир Ильич в апреле 1919 года во время одного из заседаний Совнаркома написал записку народному комиссару юстиции Д. И. Курскому:

«Пора утвердить *общий* регламент С. Н. К.

1. Докладчикам 10 мин[ут].

2. Ораторам 1-ый раз — 5, 2-ой раз — 3 м[инуты].

3. Говорить не > 2-х раз.

4. К порядку 1 за и 1 против по 1 м[инуте].

5. Изъятия по *о с о б ы м* постановлениям СНК»².

Регламент был утвержден Совнаркомом по докладу тов. Курского 5 апреля 1919 года. Трудно было укладываться в такие рамки и случалось, что желая выгадать хотя бы еще минуту для выступления, тот или другой член СНК брал слово «к порядку». Но Владимир Ильич останавливал его, говоря, что это не к порядку, а к беспорядку.

Однажды на заседании Совнаркома Владимир Ильич резко раскритиковал доклад одного беспартийного военспеца, которому ввиду важности вопроса было предоставлено 20 минут. Следя ряд конкретных замечаний, Владимир Ильич неожиданно сказал ему: «Приходите ко мне завтра в час дня, я научу Вас, как надо делать доклады». На другой день этот работник пришел в назначенное время. Владимир Ильич беседовал с ним целый час и после его ухода вышел в секретариат довольный,

¹ В. И. Ленин Соч., т. 30, стр. 274

² Ленинский сборник XXIV, стр. 301

В. И. Ленин среди сотрудников Совнаркома в 1918 году. Справа от В. И. Ленина — Л. Фогиева; слева — В. Бонч-Бруевич.

улыбающийся и, прохаживаясь по комнате, сказал: «Вот умеют же сделать доклад, когда захотят». Оказалось, что этот военный работник не спал всю ночь и, руководствуясь указаниями Ленина, сделанными на заседании Совнаркома, переработал свой доклад. Очень строг бывал Владимир Ильич, когда замечал какой-нибудь недостаток в работе, но каждый хотя бы маленький, но реальный успех радовал его и никогда он не забывал его отметить.

Борясь с обилием бумаг, Владимир Ильич упорно добивался краткого письменного изложения и часто повторял, что длинных докладов, конечно, никто не читает и читать не в состоянии. «Пишите кратко, телеграфным стилем, выделяя особые приложения, если надо,— писал он в одном из своих писем в сентябре 1921 года.— Длинного я вовсе не прочту, наверное.

Если есть практическ[ие] предложения, выделить их в особый листок, архикраткий, как телеграмму, с копией секретарю»¹.

Обычно Владимир Ильич начинал читать бумаги с конца, т. е. с практического предложения, опуская «беллетристику», как он часто говорил. Если практические предложения были дельные — Владимир Ильич просматривал всю бумагу. Читал Владимир Ильич необыкновенно быстро. Достаточно было ему окинуть взглядом страницу, чтобы она уже была прочитана.

Владимир Ильич никогда не заставлял ждать тех, кто приходил к нему на прием в условленное время. В тех редких случаях, когда ему случалось задержаться на несколько минут в деловой беседе с другим, ранее пришедшим работником, ровню в назначенное посетителю время он вызывал секретаря и поручал извиниться перед ожидавшим товарищем за небольшую задержку. Когда Владимир Ильич не мог или не считал нужным кого-либо принять, он обычно говорил: «Откивайте ему, но только вежливо».

Каждая беседа с Владимиром Ильичем была событием, которое навсегда оставалось в памяти того, кому посчастливилось побывать у него на приеме. Это объяснялось замечательным свойством Владимира Ильича поднимать работника в собственном сознании, его умением уважать человека. Он сам в высшей степени обладал чувством собственного достоинства и в каждом человеке умел его ценить и оберегать. Владимир Ильич проникал в душевное состояние каждого товарища, впервые взявшегося за непривычную для него и незнакомую работу по управлению государством.

Случалось, что к нему приходили иногда товарищи, которые переставали верить в себя, в свои силы, пасуя перед непомерной тяжестью работы, раздраженные и усталые; но довольно бывало нескольких слов Владимира Ильича, чтобы настроение их

---

¹ Ленинский сборник VIII, стр. 50

изменялось. Ленин никогда не снижал своих требований к людям, но он умел найти в каждом его лучшее, показать это лучшее и создать такое настроение, что перед человеком открывались новые перспективы, появлялись новые силы. Каждый около Владимира Ильича чувствовал, что делает большое нужное дело, потому что он умел правильно ценить работника и дать ему работу по его способности и силам.

Справедливо говорят о скромности Ленина, но надо понимать эту скромность не в мещанском смысле слова, когда она связывается с самоуничижением, а в самом высоком коммунистическом смысле этого слова. Скромность соединялась у Ленина с огромным сознанием собственного достоинства и с глубокой ответственностью перед советским народом за все, что делалось в нашей стране. Поэтому он так глубоко чувствовал страдания народных масс и так горячо радовался каждому успеху.

В. И. Ленин говорил, что руководитель отвечает не только за то, что делает он сам, но и за то, что делают руководимые им.

Владимир Ильич обычно был очень вежлив и приветлив со всеми и очень прост в обращении. Никогда не забывал он поблагодарить за услугу, даже самую незначительную, например, когда он просил принести ему газету. Уборщица, топившая печь в его комнате, рассказывала с большим волнением, как ласково и приветливо он разговаривал с нею, когда заставал в своем кабинете. Это умение глубоко ценить и уважать в каждом человеческую личность было отличительной чертой Владимира Ильича. Он считал гнусным, недостойным советского человека и коммуниста быть грубым с тем, кто стоит ниже по положению и потому не смеет ответить.

* * *

Широко известно, какую непрестанную заботу о людях проявлял Владимир Ильич. Он писал письма и записки руководителям учреждений о необходимом содействии тому или другому лицу, но никогда не предписывал, а просил помочь товарищу: обеспечить питание, дрова, одежду, лечение, необходимый отдых и т. д. и т. п. Эта забота была не только большой, она была тонкой, нежной и необыкновенно внимательной к самым различным нуждам людей.

В этом отношении характерна записка, адресованная в Моссовет в апреле 1921 года: «Ив[ану] Ив[ановичу] Скворцову (Степанову) прошу устроить под Москвой летний отдых, по возможности с огородом.

Напомнить мне.»¹

---

¹ Ленинский сборник XX, стр. 354

Заметив, что заместитель управляющего Центральным статистическим управлением А. И. Хрящева постоянно присутствует на заседаниях Совнаркома, которые начинались в то время в 8¹/₂ часов вечера и кончались в 1—2 часа ночи, Владимир Ильич пишет во время заседания записку секретарю: «Если Хрящева далеко живёт и пешком ходит, то ее жалко... Объясните ей, что в дни, когда нет вопросов статистики, можно раньше уходить и даже не ходить». И, повидимому, опасаясь, что это может обидеть Хрящеву, прибавляет: «При случае и тактично»¹.

Такие записки обычно писал Владимир Ильич на маленьких листочках блокнота, их было множество, но, пожалуй, еще больше было устных указаний Владимира Ильича секретарю: позвонить такому-то работнику, выяснить возможность помощи, конкретно договориться и известить нуждающегося товарища.

На одном из заседаний Совета Труда и Оборона управляющий ЦСУ тов. Попов внес вопрос о том, чтобы в его распоряжение дали легковую машину. Решили машину ему дать. Но после заседания Владимир Ильич сказал мне: «Конечно, машину ему дать надо, но такие вопросы на заседание СТО ставить не надо. Товарищи часто бывают беспомощны в вопросах устройства своего быта, им надо помочь, они перегружены, им не до того, а Вы должны об этом заботиться. Вы должны быть матерью, сестрой, нянькой каждого наркома».

И действительно, частенько он мне поручал такую заботу и собственноручно написал даже формальный приказ о том, что я должна заботиться о здоровье народного комиссара продовольствия А. Д. Цюрупы, следить за его питанием, отдыхом. чтобы он во-время уехал в санаторий и слушался предписания врача.

В одном письме к Цюрупе Владимир Ильич писал: «...Вы становитесь совершенно невозможны в обращении с казенным имуществом»². Под казенным имуществом Владимир Ильич подразумевал здоровье нужного работника. Настаивая на длительном лечении кого-либо из товарищей, Владимир Ильич говорил, что надо его направить на капитальный ремонт.

По инициативе Владимира Ильича была создана столовая Совнаркома. В стране был голод. Руководящие работники питались разве что немногим лучше, чем все. Случилось, что во время заседания Совнаркома один из членов Совнаркома упал в обморок. Вызванный врач констатировал, что основной причиной обморока является голод. Вскоре после этого Владимир Ильич сказал мне: «Присмотритесь к товарищам. Некоторые так отошдали, что имеют просто невозможный вид. Организуйте столовую первоначально человек на 30 и включите туда наибо-

¹ Ленинский сборник XXIV, стр. 287

² Ленинский сборник XXI, стр. 280

лее отошавших, наиболее изголодавшихся». Столовую организовали в Кремле, в помещении так называемого «Кавалерского корпуса» и включили в нее сначала 30 человек. Постепенно столовая расширялась. Впоследствии она была выведена из Кремля и перешла в ведение Лечсанупра Кремля.

Лечебная комиссия ЦК также была создана по инициативе Владимира Ильича. Частенько бывало, что тот или другой товарищ переработается так, что врачи настаивали на немедленном отдыхе и лечении. Владимир Ильич в таких случаях требовал неуклонного исполнения предписания врача. Но заработавшему товарищу казалось, что он незаемим, уйдет в отпуск — работа встанет, революция погибнет. Врачей не слушались, растрачивали силы и здоровье. В. И. Ленин тогда проводил отпуск этому товарищу решением Политбюро и поручал секретарю ЦК добиваться исполнения, т. е. отъезда в отпуск и лечения больного товарища.

Добиться этого по большей части бывало трудно, с таким увлечением, так беззаветно работали люди. Забота об этом отнимала время и обременяла секретариат ЦК партии. Тогда Владимиром Ильичем и была создана Лечебная комиссия ЦК.

* * *

В. И. Ленин обладал в высшей степени чувством юмора. Он любил смех, часто смеялся, раскатисто и заразительно. Когда на заседаниях смеялся Владимир Ильич, — невольно смеялись все. Часто слышался его смех из кабинета во время приема кого-либо из товарищей. Всегда Владимир Ильич был бодр и жизнерадостен. Это создавало огромный подъем в работе, и, несмотря на строгую требовательность Владимира Ильича и крайнюю, иногда до предела, напряженность рабочего дня, работа около Владимира Ильича всегда была для нас праздником.

Став председателем Совнаркома, Ленин остался таким же простым и скромным, каким был живя в эмиграции. Так же скромным был его быт. Никогда не существовало противоречия между личной жизнью Ленина и теми идеями, которые он проповедовал. Личное и общественное гармонически в нем сочеталось.

Ленин был человеком с кристально чистым сердцем, глубоко принципиальный и строго требовательный к себе в большом и малом. Надежда Константиновна рассказывала, что даже при решении сугубо личных вопросов Владимир Ильич спрашивал себя: «Что скажут об этом рабочие?»

Ленин был очень привязан к своей семье и с большой нежностью и заботливостью относился к своей жене Надежде Константиновне и сестре Марии Ильиничне.

После Октябрьской революции, с переездом Советского пра-

вительства в Москву, Мария Ильинична жила в квартире Владимира Ильича, которого безгранично любила, и была ему близким другом. В эти годы мы ежедневно виделись с ней. Мария Ильинична рассказывала мне, как заботился о ней Владимир Ильич. В сырую погоду проверял, надела ли она калоши, если видел ее утомленной, спрашивал, не очень ли она «перестала». Однажды во дворе Кремля я встретила Владимира Ильича и Марию Ильиничну на прогулке. Мы с Марией Ильиничной затеяли игру в снежки. Веселая игра продолжалась до тех пор, пока мои снежки не засыпали воротник Марии Ильиничны. Владимир Ильич подошел к ней и заботливо стряхнул снег, чтобы он не попал ей за воротник. Когда Надежда Константиновна болела, Владимир Ильич сам наблюдал за ее лечением. Иногда во время заседания Совнаркома Владимир Ильич просил меня навестить Надежду Константиновну, узнать, не нужно ли ей чего-нибудь, и, чтобы не беспокоить ее звонками, давал мне ключ от квартиры.

Ленин очень ценил дружбу и умел сильно привязываться к людям. Но никакая привязанность не могла помешать ему навсегда и резко порвать с теми, кто изменял делу рабочего класса и становился ему идейно чужд. Так порвал он с Мартовым, с которым дружил с юности, с Плехановым, Потресовым и другими. Но неправильно было бы думать, что это давалось ему легко. Тяжело переживал Владимир Ильич разрыв с ранее близкими ему людьми.

* * *

Летом 1918 года иностранные военные интервенты при поддержке русских белогвардейцев захватили три четверти территории Советской России. К августу Советская республика была окружена огненным кольцом фронтов. В эти тревожные дни внешняя и внутренняя контрреволюция, в бешеной ненависти к Советской власти, организовывала заговоры и террористические акты против ее вождей, пытаясь обезглавить революцию и тем погубить ее.

30 августа утром в Петрограде был убит председатель Петроградской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией тов. Урицкий. В тот же день вечером в Москве был ранен В. И. Ленин.

Летом 1918 года Московский Комитет партии каждую пятницу организовывал митинги на фабриках и заводах, на которых обыкновенно выступал и Владимир Ильич. 28 августа В. И. Ленин получил две путевки от МК РКП(б) для выступления в Басманном (ныне Бауманском) районе Москвы в здании Хлебной биржи и в Замоскворецком районе на заводе бывш. Михельсона (ныне завод имени Владимира Ильича). В связи с получением сообщения об убийстве Урицкого Москов-

ский Комитет партии вынес решение о том, чтобы Владимир Ильич временно воздержался от выступлений на митингах. Но В. И. Ленин все-таки поехал на массовые собрания; выступив в Басманном районе, Владимир Ильич сразу же направился на завод бывш. Михельсона.

Ленин выступал в большом гранатном цехе завода. Митинг был многочисленным. В своей речи на тему «Две власти (диктатура пролетариата и диктатура буржуазии)» Владимир Ильич призывал рабочих мобилизовать все силы на разгром контрреволюции, прикрывающейся лозунгами свободы и равенства и расстреливающей сотнями и тысячами рабочих и крестьян, и закончил словами: «У нас один выход: победа или смерть!»¹.

Когда по окончании митинга Владимир Ильич вышел из цеха, во дворе завода он был тяжело ранен террористкой Каплан, стрелявшей в него по поручению ЦК партии правых эсеров. Каплан стреляла в Ленина тремя пулями: две ранили его, третья прошла рикошетом, задев и разорвав лишь пальто Ленина на спине.

В этот вечер очередное заседание Совнаркома было назначено на 9 часов, вместо 8½. Собравшиеся ждали Владимира Ильича. Когда ровно в 9 часов его еще не было, всех охватила тревога. Время шло, тревога нарастала. И вдруг чудовищная весть: Ильича привезли домой раненым. С непреодолимой силой потянуло к нему. Обычно запертые двери в квартиру раскрыты настежь. Часовой растерянно стоит в стороне у окна. Вместе с членами Совнаркома я вошла в квартиру Ленина. Он лежал в постели и громко стонал. Владимир Ильич не знал об опасности, он чувствовал боль только от пули, которая попала в руку. Но другая рана угрожала жизни Ленина.

Когда Владимира Ильича привезли в Кремль, он отказался от предложения шофера Гиля внести его в квартиру на носилках и, попросив снять с него пиджак, пешком, тяжело раненный, поднялся на 3-й этаж в свою квартиру.

В. Д. Бонч-Бруевич организует медицинскую помощь. Около Владимира Ильича собрались врачи: Винокуров, Величкина, Вейсброд, Обух, Минц, позднее Розанов, Мамонов. Врачи явно встревожены. Они опасаются распространения кровоизлияния в легком,— тогда неминуемо должна наступить смерть. Молча, в смертельной тревоге, мы бродили по комнатам. Их три, кроме той, где лежит Владимир Ильич: столовая, маленькая проходная комната — кабинет Надежды Константиновны и комната Марии Ильиничны. Надежды Константиновны еще нет дома. Кто-то из товарищей напоминает о плохом состоянии ее здоровья и о том, что ее надо подготовить к случившемуся несчастью. Один из членов Совнаркома идет ей навстречу и вскоре возвращается вместе с ней. Как всегда в критические

---

¹ В И Ленин Соч. т 28 стр 73

минуты, она внешне каменно спокойна, спрашивает о степени опасности.

Ильич громко стонет, дверь к нему открыта. Стараясь не шуметь, заглядываем в нее. И тут, в минуту такой муки и боли, Ленин, понимая тревогу товарищей и верный себе, говорит: «Это ничего, это только рука».

Томительно проходит час за часом. Наконец, выясняется, что непосредственная опасность миновала. Воскресает надежда. Однако врачи говорят, что еще в течение 3—4 дней могут наступить осложнения и лишь когда эти дни пройдут благополучно, можно будет с уверенностью говорить о выздоровлении. Понемногу товарищи расходятся. На ночное дежурство остаются только наиболее близкие. Владимир Ильич потерял много крови, перевязочных средств не хватает. В Кремле в это время еще не было медицинского пункта. Одна из сотрудниц секретариата Владимира Ильича, тов. Кизас, остается на всю ночь стирать кровавые бинты.

Потянулись дни выздоровления. Опасались, что раненая рука останется короче здоровой. Чтобы не допустить этого, врачи приспособили к ней тяжесть на блоке, которая вытягивала руку в нужном направлении. Это было больно и неприятно, и Владимир Ильич протестовал против этого, говоря, что ему ни для чего не нужно иметь обе руки одинаковой длины и что он охотно мирится с тем, что одна рука будет короче другой. Но врачи настояли на правильном лечении.

Еще долгое время после выздоровления Владимир Ильич плохо владел рукой. Ему рекомендовали делать больной рукой гимнастику. И он делал ее с присущей ему настойчивостью каждую удобную минуту.

Не раз приходилось мне наблюдать во время заседаний Совнаркома, как он, стоя (часто, устав сидеть, Владимир Ильич стоял во время заседаний) и заложив руку за спину, делал движения кистью и пальцами больной руки. Впоследствии он владел рукой вполне хорошо.

30 августа, в день совершения этого гнусного преступления, ВЦИК издал обращение «Всем Советам рабочих, крест. и красноарм. депут., всем армиям, всем, всем, всем».

Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина... На покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов революции...». (Центральный музей В. И. Ленина.) Это обращение ночью было передано по радио всему миру.

2 сентября постановлением ВЦИК Советская Республика была объявлена военным лагерем.

В дни болезни Владимир Ильич получал множество телеграмм и писем от рабочих, крестьян, от всех трудящихся Совет-

ской страны с выражением гнева и ненависти против преступников и пожеланиями скорого выздоровления. Обобщая все письма и телеграммы трудящихся, «Правда» писала: «Ленин борется с болезнью. Он победит ее! Так хочет пролетариат, такова его воля, так он повелевает судьбе!»¹.

Героическими подвигами на фронте и в тылу выражали трудящиеся свою любовь к Ленину.

Крестьяне Паньковской волости Новосильского уезда писали Ленину: «. Выздоровливай на радость нам и на зло империалистам. Мы понимаем твои задачи о создании социальной революции, чтобы революция не погибла с голоду, мы заставили кулаков везти хлеб на станцию и завтра отправим 4 000 пудов ржи». (Центральный музей В. И. Ленина.)

Несмотря на болезнь и страдания от ран, все мысли Владимира Ильича были сосредоточены на положении дел в стране. Едва только получив первую возможность писать, Владимир Ильич 7 сентября пишет карандашом, еще не твердым почерком записку народному комиссару земледелия тов. Серее о неудовлетворительном сборе хлеба в Елецком уезде Орловской губернии:

«*Нигде* нет данных, чтобы работа *кипела!*»², — пишет Ленин и просит назначить для него корреспондентов из каждой волости.

17 сентября, получив телеграммы от всех комитетов бедноты Елецкого уезда, неудовлетворенный сообщенными в них сведениями, В. И. Ленин посылает им циркулярную телеграмму: «Невозможно ограничиваться общими и неопределенными выражениями, слишком часто прикрывающими полный неуспех работы. Необходимы еженедельные точные цифры...

Без таких данных все остальное пустая словесность. Ответьте точнее»³.

Живо откликается Владимир Ильич на сообщения с фронтов, с глубокой радостью отмечая успехи Красной Армии. Непокколебимой верой в непобедимость Советской власти и восхищением героизмом Красной Армии проникнуты его письма и телеграммы.

11 сентября В. И. Ленин пишет по поводу освобождения Казани: «Приветствую с восторгом блестящую победу Красных Армий»⁴.

12 сентября Красная Армия освободила Симбирск. Получив телеграмму об этом, Ленин писал: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил.

¹ «Правда» № 186 за сентябрь 1918 года.

² Ленинский сборник XVIII, стр. 182

³ Там же, стр. 183.

⁴ В. И. Ленин Соч., т. 28, стр. 74

Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы»¹.

Владимир Ильич обладал огромной волей к жизни, и эта воля, подкрепленная волей народа, а также могучий организм Ленина победили болезнь; он быстро начал поправляться и при первой возможности приступил к работе. 15 сентября в кабинете Ленина состоялось совещание В. И. Ленина со Свердловым и Сталиным по вопросу о положении на Царицынском фронте. 16 сентября Владимир Ильич участвовал в заседании ЦК РКП(б), 17-го председательствовал на заседании Совнаркома и написал письмо президиуму конференции пролетарских культурно-просветительных организаций, в котором подчеркнул, что все наши успехи вызваны тем, что рабочие *«взялись за управление государством, через свои Советы»*².

18 сентября Владимир Ильич пишет приветственную телеграмму 400 рабочим, окончившим первые курсы командного состава Красной Армии в Петрограде, и 20 сентября — письмо железнодорожникам Московско-Ржевской железной дороги. И во время болезни В. И. Ленин не терял связь с массами.

18 сентября вышел последний врачебный бюллетень, в котором врачи сообщали, что здоровье Владимира Ильича поправилось и ему разрешено заниматься делами. На этом бюллетене Владимир Ильич делает собственноручную надпись: «На основании этого бюллетеня и моего хорошего самочувствия покорнейшая моя лично просьба, не беспокоить врачей звонками и вопросами». С этой надписью бюллетень Ленина был опубликован в газете «Правда» 19 сентября 1918 года.

Однако здоровье Владимира Ильича еще не вполне восстановилось. В конце сентября врачи настояли на том, чтобы он некоторое время отдохнул на свежем воздухе под Москвой. 24 сентября Владимир Ильич, в сопровождении врача-коммуниста профессора Вейсброда, лечившего его, выехал в Горки, где прожил около трех недель в небольшом («северном») флигеле. Отойдя на время от сутолоки повседневной оперативной работы, Владимир Ильич в Горках писал свой бессмертный труд «Пролетарская революция и ренегат Каутский», работу, которая вошла в золотой фонд марксизма-ленинизма.

* * *

Горячо и беззаветно любили трудящиеся Ленина. Эта горячая любовь народа к своему Ильичу проявлялась и в многочисленных письмах и обращениях рабочих. Рабочие «Петротекстиля», посылая ему в подарок плед, писали: *«Дорогой и глубокоуважаемый Владимир Ильич!»*

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 75.

² Там же, стр. 76

Петроградский текстильный трест, в свою годовщину, вместе со своим горячим приветом, шлет Вам плед, сработанный на одной из его фабрик.

Петротекстиль хочет, чтобы Вы, наш дорогой, ощутили от

«Ходоки у В. И. Ленина». (Картина художника В. А. Серова).

нашего скромного подарка, вместе с физическим теплом, и то рабочее сердечное тепло, которым Вас хочется окутать, а также и обратили внимание на то, что в условиях крайней измощенности, разрухи, недохваток и кризисов мы работаем несколько не хуже довоенного, а следовательно можем достигать, чего хотим.

Носи, наш дорогой, на доброе здоровье».

Понимая безусловную искренность и любовь к нему рабочих, Владимир Ильич ответил им следующей запиской:

«3 ноября 1922.

Дорогие товарищи! Сердечно благодарю за присланный плед, нахожу его превосходным»¹.

В начале 1919 года на приеме у Владимира Ильича был крестьянин Иванов. Ему показалось, что в кабинете Ленина холодно. Вернувшись домой из командировки, Иванов в докладе на заседании волостного исполкома сказал, что Ленин одобряет политику исполкома, шлет привет и сердечное спасибо. При этом Иванов добавил, что Ленин работает в холодной комнате. В ответ на это Милиновский волостной исполком Судогодского уезда Владимирской губернии в феврале 1919 года постановил: «Послать Ленину вагон дров на средства исполкома, а в случае надобности поставить железную печь руками своего кузнеца».

В этом, как и в многочисленных письмах, проявилась не только любовь и доверие народа к Ленину, как к своему вождю, но и отношение к нему, как к своему родному и самому близкому человеку.

О такой же заботе и любви говорит приветствие рабочих Клинцовской суконной фабрики, посланное Ленину к пятой годовщине Октябрьской революции, в котором рабочие сообщили, что решили назвать свою фабрику именем Ленина:

«По этому случаю мы посылаем тебе к празднику наше сердечное поздравление и скромный подарок нашей выработки.

Мы будем счастливы, если ты, наш учитель и вождь, оденешь костюм, нашими руками сотканный.

Носи, Ильич, на здоровье и знай, что мы всегда с тобой.

Преданные революции и тебе рабочие Клинцовской фабрики имени тов. Ленина. Клинцы, 3 ноября 1922 г.».

С большой чуткостью ответил Владимир Ильич на это приветствие:

«Дорогие товарищи!

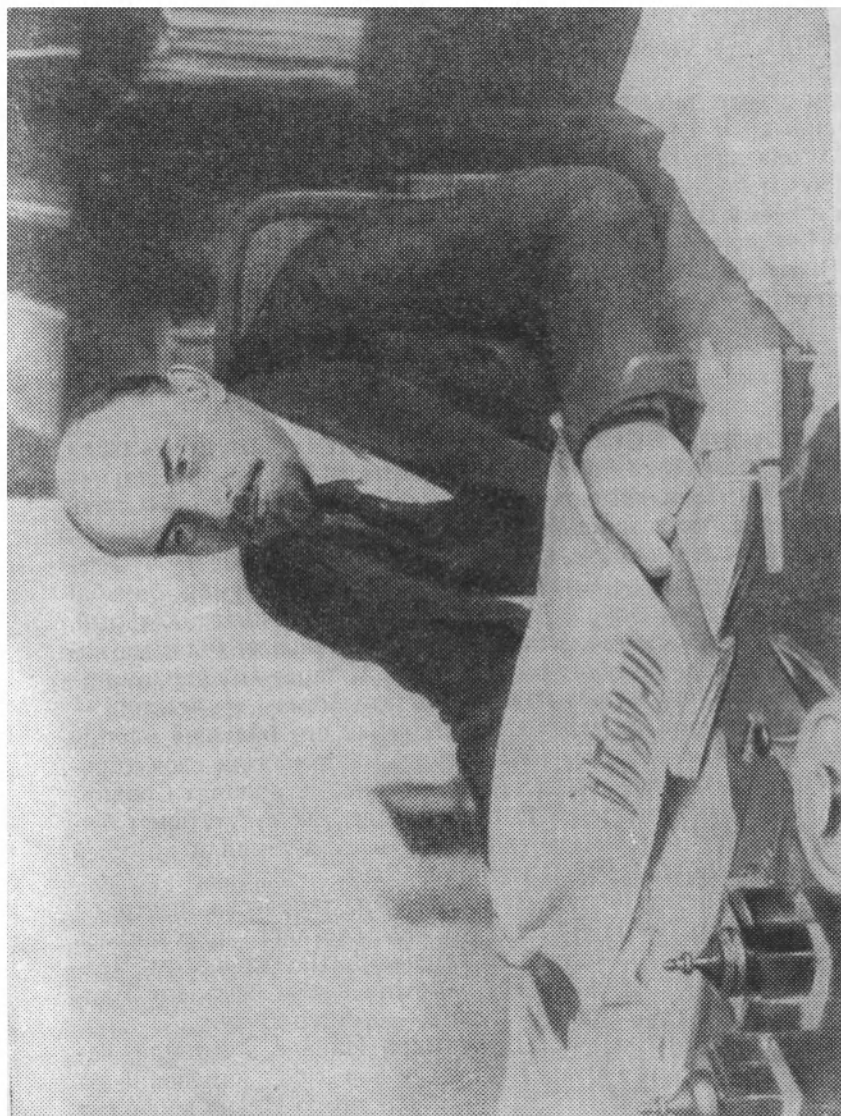
Сердечно благодарю вас за приветствие и подарок. По секрету скажу, что подарков посылавать мне не следует. Прошу очень об этой секретной просьбе пошире рассказать всем рабочим.

Самые лучшие благодарности и приветы и пожелания.

Ваш В. Ульянов (Ленин)».

Непрерывная, почти без отдыха работа и вызванное ею переутомление, тяжесть долгих лет эмиграции, а также последствия ранения, нанесенного террористкой, раньше времени подкосили здоровье Ленина. В декабре 1922 года произошел тяжё-

¹ Ленинский сборник XXXV. стр. 356—357

В. И. Ленин в кабинете в Кремле.

лый приступ болезни. Но и тяжело больной Ленин продолжал работать буквально до последних пределов человеческой возможности.

Прикованный болезнью к постели в своей квартире в Кремле, Владимир Ильич не переставал думать о деле, которому посвятил всю свою жизнь. Глубоко провидел он задачи и трудности, которые встанут перед партией и Советским правительством в ходе дальнейшего исторического развития, и в продиктованных им в конце декабря 1922 года и в январе — марте 1923 года письмах, статьях и других документах по различным вопросам партийного и советского строительства оставил партии и всему советскому народу неоценимое наследство — свое политическое завещание.

Значение этого завещания столь велико, что оно сохранило свою силу и в настоящее время и еще долго будет служить руководством для нашей партии в ее борьбе за построение коммунистического общества.

* * *

Сейчас трудно даже представить, до чего примитивны были условия, в которых приходилось работать Владимиру Ильичу Ленину в 1918 и 1919 годах. Как будто даже не находишь оправдания этому. А между тем условия эти имеют свое объяснение. Разоренная войной страна, почти ежедневные угрозы самому существованию Советской власти, напряженная борьба!

В других учреждениях сохранился старый аппарат, который, несмотря на массу недостатков, все же имел необходимые навыки и был хорошо обставлен внешне. Аппарат Совнаркома — первого рабоче-крестьянского правительства в истории, — разумеется, строился заново, и работники его большей частью никогда раньше не знали канцелярии. В этом была своя хорошая сторона, так как именно благодаря этому аппарат Совнаркома выгодно отличался в то время от других отсутствием бюрократизма, от которого тогда вопль и стон стоял и который разъедал и душил все учреждения.

Наш аппарат строился нами самими, творчески, часто по указаниям Владимира Ильича. Но, увы, как часто приходилось нам открывать давно открытые Америки! Шаг за шагом, медленно и постепенно учились мы работать и создавать для Владимира Ильича более удобную рабочую обстановку.

Я хочу описать кабинет Владимира Ильича в Кремле, каким он был в самом начале и остался почти без изменений до последнего времени. В этой комнате Владимир Ильич проводил большую часть своего времени в течение пяти лет работы в Москве. Эта скромная комната была центром, куда стекались помыслы, надежды, сомнения, любовь и ненависть всего мира, где мыслил, творил и боролся за счастье народа величайший гений века.

В первое время после переезда правительства из Петрограда в Москву, когда Совет Народных Комиссаров переместился из Смольного в Кремль, все помещение Совнаркома состояло из шести расположенных в ряд комнат, считая в том числе и кабинет В. И. Ленина. В самом конце широкого коридора к помещению Совета Народных Комиссаров непосредственно примыкала квартира Владимира Ильича, состоявшая в то время из четырех небольших комнат, очень скромно обставленных. Во время болезни Владимира Ильича после ранения в августе 1918 года к квартире Владимира Ильича была присоединена еще одна комната, которой пользовались дежурившие врачи.

Ходить из квартиры в кабинет надо было через коридор. В 1918 году весь коридор, за исключением узкого прохода, занимал телеграф, в котором круглые сутки шла напряженная работа — передача и прием телеграмм и разговоры по прямому проводу. Все срочные и секретные переговоры велись именно по этому телеграфу; телеграфистами здесь были проверенные люди, на которых можно было положиться.

Каждый бывавший у Владимира Ильича в 1918 году помнит этот телеграф; он был неотделим в то время от кабинета Владимира Ильича. Здесь был главный нерв жизни страны. Сюда стекались сведения со всех фронтов, и отсюда диктовались приказы.

Дверь в кабинет, через которую обыкновенно ходил Владимир Ильич, ведет именно из этого коридора. Против нее расположена дверь к выходу. В конце 1918 года телеграф перевели в другое помещение, и к двери кабинета был поставлен часовой.

Мимо этой двери проходили все, кто направлялся в Совнарком, а в то время туда почти беспрепятственно шел всякий и у кого была какая-нибудь нужда до Совнаркома.

Есть другая дверь из кабинета Владимира Ильича. Эта дверь ведет в так называемую «будку» (помещение для верхнего коммутатора Кремля). «Будка» была так же неразрывно связана с кабинетом Владимира Ильича, как и телеграф в коридоре, причем эта связь сохранялась до последнего времени. «Будку», как и телеграф, несомненно, помнят все товарищи, бывавшие в то время у Владимира Ильича. В «будке» была установлена телефонная связь с кабинетами и квартирами народных комиссаров, с ЦК РКП(б), со штабами Красной Армии, с Петроградом, Харьковом и другими городами.

Это было время фронтов, «катастрофических положений», кризисов и белогвардейских заговоров. В кабинете Владимира Ильича в первое время не было телефонов, и он приходил говорить в «будку». В острые моменты, когда все собирались около Владимира Ильича, сюда же приходили и другие товарищи. Телефонистами в 1918—1919 годах были испытанные рабочие, приехавшие вместе с Совнаркомом из Смольного; Владимир

Ильич называл их своими секретарями и давал им часто разные мелкие поручения, касавшиеся отправки писем, записи и вызова на прием, передачи по телефону какого-либо сообщения и т. п. «Будка» слышала все, и первая знала все новости. Наружная дверь в «будку» выходила на лестницу. Дверь в кабинет не запиралась. Было несколько случаев, когда через «будку» в кабинет Владимира Ильича прошли совершенно без контроля посторонние люди. После этого наружную дверь в «будку» заперли и поставили к ней часового, который пропускать в нее только нескольких товарищей по особому списку.

Помню, как народный комиссар продовольствия Цюрупа, которому от переутомления и голодовки (это было в 1918 году) сделалось дурно на заседании Совнаркома и который хотел прилечь на стоявший в «будке» диванчик, тщетно упрасивал часового пропустить его.

Впоследствии, когда у Владимира Ильича в кабинете были установлены телефоны и жизнь уже вошла в более спокойное русло, роль «будки», кроме телефонной связи, свелась только к исполнению мелких поручений Владимира Ильича.

Состав телефонистов тоже изменился. Особенно часто обращался Владимир Ильич к «будке», когда хотел быстро отправить письмо и получить ответ. По его указанию в «будке» были нами заведены книги для записи передаваемых пакетов с пометкой часа и минут отправки и получения и с расписками дежурных. Во время болезни Владимира Ильича через «будку» шла связь с Горками: «будка» получала и отсылала все нужное Владимиру Ильичу.

Третья дверь из кабинета вела в зал заседаний Совнаркома. В первые годы это была комната в два окна, которая называлась «красным залом». В ней Владимир Ильич проводил в 1918—1919 годах каждый вечер, так как заседания Совнаркома в то время происходили ежедневно, кроме воскресенья. От табачного дыма дышать было трудно, и летом в конце заседания, во время длинных речей докладчиков, Владимир Ильич обыкновенно садился на подоконник, высовываясь из открытого окна, насколько это было возможно. После ранения Владимира Ильича врачи запретили ему быть в накуренной комнате, и в Совнаркоме курить было запрещено.

В 1921 году эта комната была соединена с соседней, тоже в два окна; таким образом получился зал заседаний в четыре окна.

При жизни Владимира Ильича секретариат Совнаркома работал в зале заседаний. Это было вызвано как недостатком помещения, так и необходимостью быть ближе к кабинету Владимира Ильича, чтобы без замедления исполнять его распоряжения.

С исключительной быстротой и точностью исполнялись все

поручения Владимира Ильича. Мне вспоминается один комический эпизод, как раз связанный с тем, что одна из сотрудниц постаралась выполнить поручение Владимира Ильича с буквальной точностью. Однажды вечером (если не ошибаюсь, в 1920 году) Владимир Ильич сказал дежурной сотруднице секретариата: «Дайте мне весь состав коллегии Наркомзема». Он имел в виду список членов коллегии, а дежурная поняла буквально и стала спешно по телефону вызывать к Владимиру Ильичу всю коллегию Наркомзема. Можно себе представить, какой поднялся переполох! Свидания у Владимира Ильича добивались и ждали, как события, а тут вдруг он зовет сам, да еще всю коллегию! Через несколько времени Владимир Ильич, потеряв терпение в ожидании списка, снова затребовал его. Тогда только выяснилось недоразумение, и стали бить отбой. Когда Владимиру Ильичу рассказали о происшедшей ошибке и о том, что ее причиной было отчасти его неточное выражение, он со смущением спросил: «Неужели я так сказал?»

В третью дверь, соединявшую кабинет Владимира Ильича с залом заседаний, входили все, кого он принимал, кроме нескольких самых близких к нему товарищей, которые входили в дверь из коридора, предварительно созвонившись с Лениным.

Сколько сотен человек за пять лет с сердечным трепетом и волнением вошли в эту дверь и вышли оттуда окрыленные, с вдруг открывшимися перед ними от нескольких слов Владимира Ильича новыми горизонтами, с вновь обретенными силами, начавшими было падать от утомления и от почти нечеловеческих трудностей работы!

Внутренняя обстановка кабинета до самого конца осталась почти такой же, какой была в первые дни. Добавления, которые делались с течением времени, не меняли стиля, а лишь прибавляли детали. Главная черта этой небольшой, скромной комнаты в два окна — простота и целесообразность. Не было почти ни одной вещи, которая не имела какого-нибудь значения для Владимира Ильича и которая не отражала бы его индивидуальности. Исключение в этом отношении составляли большие старинные всегда фальшивившие часы. Владимир Ильич считал плохими и такие часы, которые фальшивят хотя бы на одну минуту в сутки, а с этими часами случался такой грех и минут на пятнадцать. Старый часовщик, который заводил и чинил в течение нескольких десятков лет все часы в Кремле, много раз слышал от Владимира Ильича замечания по поводу этих часов, но, повидимому, исправить их было нельзя. Однако Владимир Ильич отклонял предложение переменить их. «Другие будут такими же», — говорил он нехотя. В конце концов они все-таки были заменены другими.

Двери и окна в кабинете — без драпировок. Это было желание Владимира Ильича. Он не любил драпировок и никогда

не позволял опускать шторы, как будто ему было тесно и душно в отделенной от внешнего мира комнате со спущенными шторами.

Температура в кабинете не должна была превышать 14 градусов. Более высокую комнатную температуру Владимир Ильич переносил плохо и за излишнее усердие в этом отношении делал замечания.

Владимир Ильич привык к своему кабинету и любил его. Много раз мы предлагали ему поменять комнату на большую и лучшую в другом крыле здания, однако он всегда и решительно отказывался. Так же решительно отказывался он поменять письменный стол на больший и лучший.

На письменном столе, стоявшем почти посередине комнаты всякая вещь имела свое место и назначение.

С правой стороны — три телефона с усилителями. Всем известно, какую роль играл телефон в работе Владимира Ильича и как часто он им пользовался. Этим объясняется то возмущение, которое вызывала у Владимира Ильича плохая работа телефонов, особенно иногородних. Сильное напряжение голоса и слуха при частых разговорах на дальние расстояния, перерывы и шум в аппарате — все те недостатки в работе телефона, которые лишь очень медленно и постепенно устранялись, вызывали большое неудовольствие и даже раздражение Владимира Ильича. Мы многократно получали устные и письменные распоряжения, адресованные управляющему делами Совнаркома, народному комиссару почт и телеграфа и другим лицам, с категорическими требованиями добиться безукоризненной работы телефона. Однако, повидимому, это не зависело от воли отдельных лиц и даже учреждений.

Мне вспоминаются разговоры с Владимиром Ильичем уже в начале 1922 года, когда он из Горок диктовал ряд поручений и писем по специально для него установленному аппарату с прямым проводом. Но и этот аппарат работал безупречно. В то время, вероятно, по причине уже начавшегося заболевания, Владимир Ильич особенно остро реагировал на всякий посторонний шум или перерыв при разговоре по телефону. Почти при каждом разговоре Владимир Ильич отмечал, как работает телефон, например: «Сегодня вот телефон хорошо работает», или: «Почему-то только что хорошо было слышно, а вот сейчас опять хуже» и т. п. Особенно памятен нам харьковский провод, по которому Владимир Ильич часто разговаривал и который постоянно портился.

На столе слева обыкновенно лежали папки с бумагами. На протяжении нескольких лет работы у Владимира Ильича я по его указаниям и по своей инициативе пыталась приспособить эти папки наиболее целесообразным для работы Владимира Ильича образом, но это мне так и не удалось. Владимир Ильич

поручал завести ему папки для бумаг спешных, неспешных, важных, менее важных, просмотренных, несмотренных и т. д. Эти папки заводились, бумаги в них помещались в соответствующем порядке, к каждой бумаге прикреплялась записка с кратким изложением сути дела, в начале каждой папки прилагалась краткая опись бумаги.

Папки раскладывались на столе в самом «убедительном» порядке и... лежали себе спокойно и мирно, а нужные ему бумаги Владимир Ильич сгребал на середину стола и, уходя, клал на них большие ножницы. Это означало «трогать не сметь». Или же складывал все нужные ему бумаги в одну совершенно постороннюю папку и уносил с собой. Эта папка непрерывно пополнялась, над ней работал Владимир Ильич. Но, наконец, она разбухала, так как он складывал в нее все новые бумаги, которые почему-либо обращали на себя его внимание, и некоторое время их никто, кроме него, не трогал. Получив разрешение Владимира Ильича, я разбирала их и раскладывала по соответствующим папкам, выбирая из этих папок устаревшие бумаги в архив.

Несмотря на постоянную неудачу этих попыток, Владимир Ильич почему-то все время возвращался к ним. Он даже сказал однажды: «Вот у такого-то все бумаги в порядке, а я этому никак научиться не могу». В конце концов мы ему завели одну большую папку с отделениями, но результаты были те же. Отделение «самое срочное и самое важное» жило живой жизнью, а остальные мирно спали. Жизнь шла таким темпом, «самого срочного и самого важного» было в ней столько, что на остальное не хватало времени. Ведь не только по бумагам работал Владимир Ильич: все, что ему нужно было знать, он умел узнавать путем личных бесед и наблюдений.

Ящики его стола были всегда заперты, за исключением верхнего левого, в который он складывал все бумаги со своими распоряжениями. Отсюда мы вынимали их по нескольку раз в день для немедленного исполнения.

Однажды после ухода бухарской делегации, в тот час, когда Владимир Ильич обыкновенно отправлялся домой обедать, дверь в кабинет из зала заседаний оказалась запертой изнутри. Предположив, что ее запер сотрудник ВЧК, охранявший другую дверь, и обеспокоенные тем, что поручения Владимира Ильича останутся невыполненными, мы подняли отчаянный стук в дверь. Через несколько минут ее открыл улыбающийся Владимир Ильич. Он был в национальном бухарском халате, который подарили ему бухарцы и который ему вздумалось пришить.

На столе всегда лежали большие ножницы, которыми он сам разрезал конверты с надписью, введенной по его инициативе для особо секретной переписки с ближайшими товарищами:

«Лично, никому другому не вскрывать!», — и перламутровый ножичек для разрезания книг. По поводу этого ножика Владимир Ильич говорил с комическим удивлением: «Сказал мельком, что хотел бы иметь такой ножик, — и на другой же день прислали».

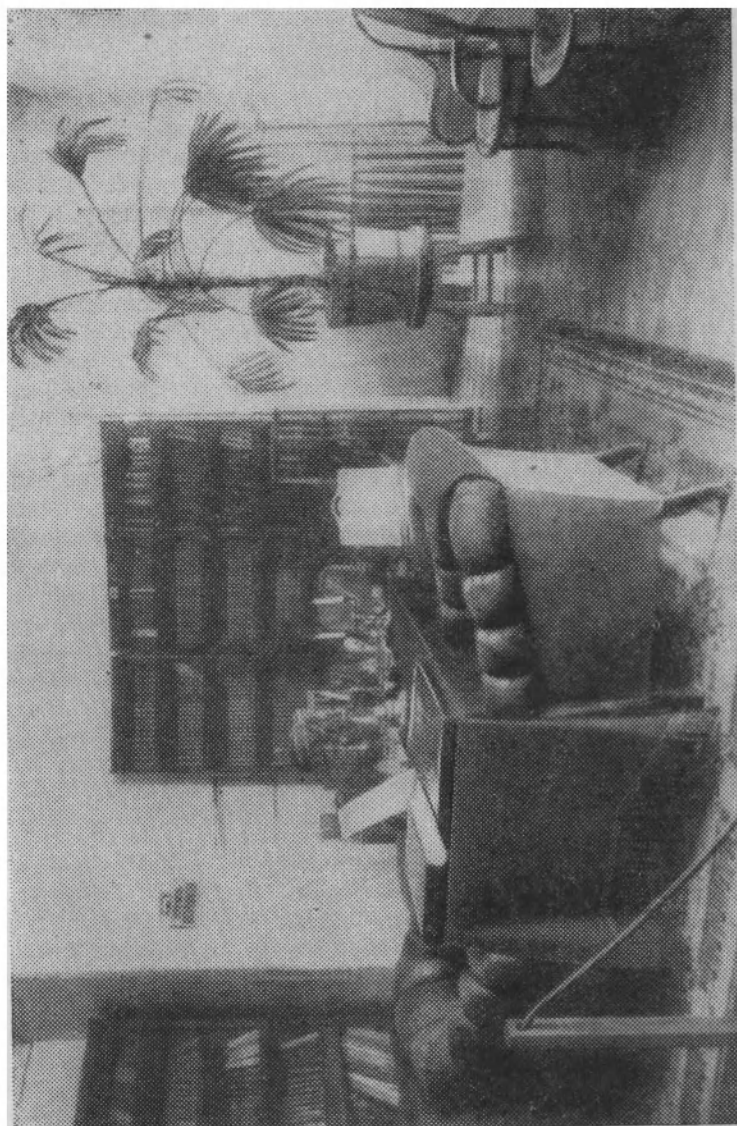
Надо заметить, что насколько Владимир Ильич всегда возмущался и негодовал на «безрукость», не пропуская случая отчитать за нее хорошенько кого следует, настолько же он бывал доволен быстрым и хорошим исполнением и охотно, каждый раз с легким юмористическим удивлением, отмечал его даже в мелочах. Я отлично помню, как он был доволен стенным календарем Госиздата на девятнадцатый или двадцатый год, в котором цифры были так крупны, что их можно было видеть через всю комнату. Он несколько раз с лукавой усмешкой сказал: «У нас это умеют сделать? У-ди-ви-тель-но!» Календарь этот висел на стене против письменного стола, и Владимир Ильич сам срывал ежедневно листок.

На столе было несколько всегда хорошо очиненных карандашей, ручки, клей в пузырьке с резиновым наконечником (который Владимир Ильич называл «гуммиарабик с носом» и которым сам заклеивал особо секретные письма) и другие письменные принадлежности.

Шутки Владимир Ильич очень любил. Мне кажется, вообще, характеризуя его манеру работать, можно сказать, что он работал весело. Его смех — был смехом человека, обладающего кипучей энергией и избытком жизненных сил. Этот избыток сил передавался другим, и все около него жили ярко, радостно, празднично. Только последние два с половиной месяца работы, октябрь — декабрь 1922 года, когда Ленин был уже под гнетом своей болезни, реже слышен был его смех. Распоряжения свои он почти всегда сопровождал шутливыми замечаниями и улыбками. Поэтому было так радостно с ним работать, и самая большая требовательность, самая суровая дисциплина не были в тягость, а воспринимались как нечто, чему подчинялись охотно.

Перед письменным столом стояло простое деревянное кресло с плетеной спинкой и сиденьем, такое же кресло было в зале заседаний. Мягких кресел Владимир Ильич не любил и никогда в них не сидел.

В 1919 году после какого-то небольшого заседания, происшедшего в кабинете Владимира Ильича, он поручил мне достать ему «простой человеческий стол на четырех ногах, за которым можно было бы сидеть и писать» (то есть не письменный, не с тумбами). Этот стол был приставлен перпендикулярно к письменному столу, и по обеим сторонам его поставлены большие кожаные кресла. Когда кто-нибудь приходил к Владимиру Ильичу на прием, он вставал, пододвигал одно из этих кресел

ҚабINET В. И. Ленина в Кремле.

к своему столу и сам садился ближе, часто наклонившись в позе внимательного слушателя. Владимир Ильич умел слушать, как никто, если беседа интересовала его.

Под письменным столом в ногах по просьбе Владимира Ильича был полсжен кусок войлока, так как у него мерзли ноги. Когда однажды мы заменили этот войлок шкурой белого медведя, Владимир Ильич сделал мне строгий выговор за излишнюю роскошь. Только мои уверения, что будто бы в другом учреждении я видела такие же шкуры в нескольких кабинетах у других работников, несколько примирили его с этим нововведением.

На столе — маленькая лампа с зеленым стеклянным абажуром. По вечерам, если у Владимира Ильича никого не было, он работал при этой лампе, не зажигая люстры. Владимир Ильич ни одного раза не ушел из кабинета, не выключив электричества, и если нам случалось уйти, оставив свет, и он обнаруживал это, то никогда не забывал на следующий день сделать нам замечание за непроизводительный расход электрической энергии. Стеклянный абажур в октябре 1922 года по просьбе Владимира Ильича был заменен мягким.

На блокноте, лежавшем всегда на столе, Владимир Ильич писал заметки, распоряжения и записывал фамилии товарищей, просивших приема. Также он иногда делал пометки на листках календаря.

У двери, ведущей в коридор, стоял небольшой стол, весь заваленный атласами и картами. Географические карты занимали большое место в работе Владимира Ильича. В нижнем ящике одного из книжных шкафов целый склад карт. На печке — наклеенная собственноручно Владимиром Ильичем маленькая карта границ России с Персией и Турцией. Мне казалось, что она ни к чему не нужна, однако Владимир Ильич не разрешал ее снять; он говорил, что привык к тому, что она висит здесь. Владимир Ильич вообще любил обстановку привычную, неменяющуюся. Как будто в этом покое комнаты и вещей, всегда одних и тех же и всегда на старых, привычных местах, он находил отдых от насыщенной разнообразными событиями жизни.

На «простом человеческом столе» обыкновенно лежала то одна, то другая карта, в зависимости от того, где обострялись события гражданской войны. Владимир Ильич часто выражал желание иметь какое-нибудь приспособление для карт, чтобы можно было всегда пользоваться ими в развернутом виде и быстро менять по мере надобности. После долгих бесплодных поисков такого приспособления мне удалось (кажется, в конце девятнадцатого или в начале двадцатого года) заказать одному из инженеров Реввоенсовета такую конструкцию. Это было большое сооружение, занявшее все пространство от двери в ко-

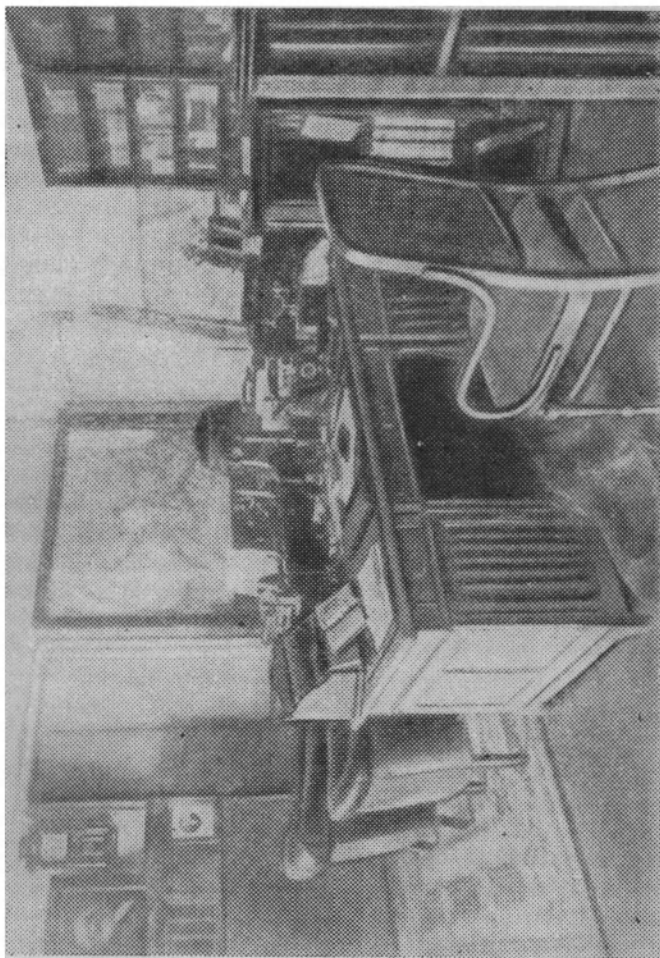
ридор до конца стены, ведущей в зал заседаний. Висевшая здесь до того времени большая карта России была перевешена в простенок между окнами, для чего пришлось вынести из кабинета стоявшее раньше на этом месте зеркало. Двенадцать больших карт были наклеены на полотно и вставлены в раму, которая стояла на подставке высотой аршина в полтора. С правой стороны рамы приделана ручка, с помощью которой полотно поворачивают вокруг рамы вверх и вниз. Изготавливали это сооружение, по словам инженера, десять рабочих. Когда, наконец, его принесли, много было волнений и, каюсь, может быть, незаслуженных упреков с моей стороны по адресу инженера из-за того, что карты наклеены негладко и вал передвигается криво. Однако Владимир Ильич был доволен и к недостаткам отнесся добродушно. «Это вещь трудная,— сказал он,— гладко наклеить карты на полотно, где уж нам сейчас это сделать!»

Все свободные простенки в кабинете Владимира Ильича заняты книжными шкафами шведского типа. В первое время у Владимира Ильича не было библиотекаря, и книги просто без всякого порядка складывались в шкафы. Позже поручено было одному молодому товарищу, немного знакомому с библиотечным делом, разобрать книги и составить каталог. В 1920 году для работы в библиотеке была приглашена сотрудница Госиздата тов. Манучарьянц. С этого времени в библиотеке мало-помалу стал устанавливаться порядок, книги раскладывались по отделам. Был небольшой отдел беллетристики, состоящий преимущественно из произведений русских классиков. Однажды, просматривая книги, Владимир Ильич сказал: «Странно, что Толстой считает язык Лескова образцом красивого и правильного русского языка, я этого не нахожу». Был отдел марксистской литературы, энциклопедические словари, публицистика, зарубежная литература и т. д. Новинки складывались по желанию Владимира Ильича в самый нижний ящик одного из шкафов, который случайно оказался пустым в то время. Хотя Владимиру Ильичу и приходилось просматривать книги, сидя на корточках, однако перенести их в другое место он не разрешал, говоря, что привык к тому, что они здесь лежат.

В присылаемых Владимиру Ильичу списках книг, а также в библиографических отделах газет он подчеркивал синим или красным карандашом название книги, которую он желал получить, или писал записку и клал ее в левый ящик стола. С тех пор, как начала работать библиотекарша, эти книги он получал на другой же день. «Вчера только написал, а сегодня уже получил»,— отмечал Владимир Ильич с удовольствием и с обычным в этих случаях юмористическим удивлением.

Около письменного стола с правой и с левой стороны стояли вертящиеся этажерки, которые Владимир Ильич называл «вертушками». На правой «вертушке» была подобрана вся спра-

вочная партийная и советская литература, которая могла понадобиться Владимиру Ильичу в его работе, и словари. О подборе этой литературы Владимир Ильич сам неоднократно делал указания и постоянно пользовался ею. Часто также пользовался он энциклопедическими словарями.

Рабочее место В. И. Ленина в Кремле.

Левая «вертушка» по указанию Владимира Ильича была заказана со специальными отделениями для стоящих папок, чтобы разгрузить от них стол. На нее также клал Владимир Ильич книги, которые он намеревался в ближайшее время просмотреть.

Позади письменного стола у стены справа и слева от книжных шкафов стояли две этажерки с переплетенными комплек-

тами русских газет и с иностранными газетами, разложенными по папкам с надписями: «французские», «немецкие», «английские», «итальянские».

Тут же был сфотографированный и переплетенный комплект «Правды» за 1917 год.

У окна стояла этажерка, на которую мы клали русские газеты, подобранные за текущий месяц, и некоторые папки.

Против этажерки — большая пальма. Владимир Ильич любил ее и сам наблюдал за нею. Когда она начинала болеть, приглашал садовника. Срезанные цветы Владимир Ильич не любил и никогда не позволял ставить их в комнате.

На полочке над диваном — портрет Маркса, подарок, присланный Владимиру Ильичу Петроградским Советом, и барельеф Халтурина — скульптура Альтмана. Надпись «Халтурин» была вдавлена и плохо заметна. Владимир Ильич обвел ее мелом, заметив при этом, что не всякий знает, чей это портрет. Впоследствии скульптор Альтман покрыл ее золотой краской.

На столе несколько подарков, присланных Владимиру Ильичу. Литая обезьяна, рассматривающая череп человека, чернильный прибор кавказской работы, чернильница из карболита с двумя висячими лампочками, пепельница с зажигалкой в виде снаряда — все подарки рабочих.

Ни в комнате Владимира Ильича, ни в одной из комнат в Совнарком, куда бы мог пойти Владимир Ильич, не было его портрета. Он их с негодованием отбрасывал, когда они ему попадались на глаза, и только необходимость, а также энергия фотографов заставляли его сниматься. Фотографы иногда не брезгали никакими средствами, чтобы снять его. Так, однажды, в октябре 1922 года, известный своей энергией фотограф Оцуп явился в Совнарком, обманув меня, сказал, что Владимир Ильич назначил ему придти в этот час, и, не дожидаясь разрешения, вошел следом за мною в кабинет. Владимир Ильич был очень раздосадован таким вторжением, однако все же разрешил сфотографировать себя.

Многие художники хотели писать портреты Владимира Ильича и лепить его. Обыкновенно он категорически отказывал им. Однако после долгих просьб в 1920 году Владимир Ильич дал согласие скульптору Альтману слепить его бюст, обусловив себе полную свободу действий во время сеансов. Альтман обещал закончить работу в 2—3 сеанса, но лепил, кажется, месяца два, почти ежедневно и по несколько часов. Одновременно в 2—3 приема, не более чем по получасу каждый, скульптор Андреев сделал несколько набросков карандашом и миниатюрный слепок головы Владимира Ильича.

Во время сеансов Владимир Ильич не прерывал работы, говорил по телефону, принимал посетителей, писал и вообще вел себя так, как будто не замечал присутствия лепившего его скульптора.

За все время никто, кроме Владимира Ильича, не работал в его кабинете, за исключением Якова Михайловича Свердлова, который во время болезни Ленина после ранения 30 августа 1918 года по его поручению проводил в этой комнате ежедневно 2—3 часа, разрешая наиболее срочные и важные дела.

Это продолжалось недели две. Обыкновенно же, даже во время длительного отсутствия Владимира Ильича, в кабинете его никто не работал.

Последний раз работал Владимир Ильич в своем кабинете 12 декабря 1922 года. Несколько месяцев спустя мы, потрясенные, прячась от него, смотрели в окно, как его выносили на носилках и укладывали в автомобиль, чтобы отвезти в Горки.

Всего один только раз после этого и на одну только минуту заглянул Владимир Ильич в свой кабинет. За несколько месяцев до смерти, 19 октября 1923 года, будучи уже тяжело больным, он приехал из Горок в Москву. Вопреки всем уговорам, он зашел в гараж, сел в автомобиль и велел везти себя в город. Зашел на квартиру, заглянул в зал заседаний, зашел в кабинет, оглядел все, проехал по территории первой сельскохозяйственной выставки и уехал обратно в Горки.

Есть много портретов Владимира Ильича, и много написано воспоминаний. Но ни один портрет не даст подлинного физического образа Владимира Ильича, не покажет его таким, каким он был в действительности, тому, кто не знал и не видел его никогда. Еще во много раз труднее нарисовать духовный образ Ленина.

Этот образ так многогранен, так колоссально значителен, что только общими силами, только коллективной работой лиц, близко знавших его, собирая все новые штрихи и новые детали, можно нарисовать его.

Написанное мною в этой брошюре именно и имеет целью прибавить еще несколько штрихов, несколько, как мне кажется, фотографически верных деталей к этой коллективной работе.

В МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГА ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

Безыменский А. Встречи комсомольцев с В. И. Лениным. Госполитиздат, 1956 г. 48 стр. Ц. 50 коп.

Бонч-Бруевич В. В. И. Ленин в Петрограде и Москве (1917—1920 гг.). Госполитиздат, 1956 г. 48 стр. Ц. 55 коп.

Воспоминания о В. И. Ленине. Госполитиздат, 1955 г. 104 стр. Ц. 1 руб.

Воспоминания о В. И. Ленине. Часть I. Госполитиздат, 1956 г. 559 стр. Ц. 20 руб.

Воспоминания о Марксе и Энгельсе. Госполитиздат, 1956 г. 424 стр. Ц. 16 руб.

Воспоминания родных о В. И. Ленине. Госполитиздат, 1955 г. 216 стр. Ц. 2 руб.

Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию. Сборник статей. Под ред. проф. И. С. Галкина. Госполитиздат, 1953 г. 732 стр. Ц. 10 р. 70 к.

Крутикова Н. Из истории борьбы В. И. Ленина против оппортунизма на международной арене. Госполитиздат, 1955 г. 224 стр. Ц. 4 р. 30 к.

Ленин Владимир Ильич. Краткая биография. Госполитиздат, 1955 г. 312 стр. Ц. 5 руб.

Шенилов Д. Идеи Ленина озаряют путь к коммунизму. Доклад 22 апреля 1955 г. на торжественном заседании в Москве, посвященном 85-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Госполитиздат, 1955 г. 24 стр. Ц. 30 коп.

Политические книги имеются в большом выборе во всех городских и районных книжных магазинах областных книготоргов, а также в Райкультмагах по требкооперации.

ГЛАВКНИГОТОРГ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ СССР